

КИРА ФАРДИ

ПРАВО ПЕРВОЙ НОЧИ
ДОЧЬ ВРАГА

Кира Фарди

Право первой ночи. Дочь врага

«Автор»

2026

Фарди К.

Право первой ночи. Дочь врага / К. Фарди — «Автор», 2026

Чтобы закончить войну между государствами, правители решили поженить наследников. Но принцесса Медея сбежала, бросив королевство на пороге гибели. Жених, генерал Арагон, в ярости разрывает все соглашения. Теперь он не хочет жениться, но требует древнее и жестокое право победителя — право первой ночи с младшей принцессой. Для Ивон это унижительный акт войны, но она вовсе не покорная жертва и готова на все, чтобы спасти родную страну. Она дает себе клятву: выйти замуж за генерала, подчинить его своей власти и отомстить за унижение и поруганную честь. Но сначала нужно пережить эту ночь

© Фарди К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2. Арагон	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6. Король Ильмар	33
Глава 7. Эйнах	35
Глава 8	37
Глава 9. Арагон	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Кира Фарди

Право первой ночи. Дочь врага

Глава 1

Кони просто летели, повозку бросало на кочках так сильно, что Ивон едва могла удержаться на месте. Она сидела в углу кареты в лучшем наряде, сжав руки между колен, и молилась богам. С каждой лирой* пути она отдалялась от родного дома.

Девушка тревожно всматривалась в темноту за окном. Совсем скоро должны были показаться огни лагеря генерала Арагона — того самого, чья армия окружила город Кобурн, принадлежавший ее королевству. Захватчики поклялись стереть город с лица земли, если младшая принцесса не явится к ним.

Ивон сидела в оцепенении.

Она военный трофей.

Дань, отданная врагу на одну ночь.

Почему так вышло, принцесса не могла представить.

На ее месте сейчас должна была быть старшая сестра Медея. Но та сбежала накануне свадьбы. Разъяренный генерал при всех разорвал брачный договор между королевствами и выдвинул новое требование — права первой ночи с младшей дочерью короля Ильмара. И в полном отчаянии отец прислал за Ивон.

— Что же теперь будет, Ваше Высочество? — всхлипывала сидевшая напротив нее няня Гита.

Она рыдала, ломала свои пухлые руки и без конца сморкалась в кружевной платок. Этот противный хлопающий звук раздражал Ивон, мешал собраться с мыслями. Она до боли впибалась ногтями в ладони, сдерживая крик отчаяния, который рвался из самой глубины души.

— Помолчи Гита! — наконец не выдержала девушка. — Я ищу выход.

— Выход. — служанка встрепенулась. — Выход есть: побег.

— И как ты это себе представляешь? — подалась вперед Ивон. — Везде войска генерала Арагона.

На последнем слове ее голос сорвался. Не в силах продолжать, принцесса закрыла глаза. Она отчетливо представляла себе, что станет делать с ней генерал, романтических иллюзий не имела, но и отказаться не могла: на кону стояла жизнь ее народа и страны.

Но Гита ее не слышала.

— Зачем Его Величество так поступил с моей ласковой куколкой? Зачем? Вы же его любимица!

— Ради спасения моего народа, — Ивон сглотнула, удерживая слезы. — Наши войска пали, только брачный договор между странами положит конец этой войне.

— Но проклятый Арагон разорвал его на клочки после побега принцессы Медеи. Ну почему она так подло поступила со своей семьей?

Поступок сестры тоже не укладывалось в голове у Ивон.

— Давай оставим эту тему.

Она встревоженно посмотрела в окно. Сумерки сгустились уже настолько, что деревья по сторонам дороги казались сплошной черной стеной. Впереди ждал враг и неизвестность.

— Вы понимаете, что он не хочет вас в жены? — не успокаивалась Гита. — Этот подлец мечтает унижить Его Величество и вас. А раз так, значит и мирного договора не будет. Ваша жертва бессмысленна!

— Понимаю, но... — Ивон судорожно вдохнула, — не могу иначе. Батюшка...

Она хотела сказать, что батюшка сейчас находится в заложниках в ставке врага, но долго сдерживаемое рыдание неожиданно вырвалось из горла.

И тут Гита встрепнулась, бросилась к окошку за спиной кучера.

— Грум, где мы?

— Скоро проедем Гремучую гряду, а дальше — с ветерком вниз по склону.

— Гремучая гряда? — няня нахмурилась, что-то прикидывая в уме, потом радостно посмотрела на воспитанницу и закричала: — Перед последним утесом есть поворот к ущелью. Сворачивай туда.

— Зачем? — Ивон легонько ударила по руке Гиты веером. — Я не собираюсь сбегать, как Медея, и прятаться. Я принцесса!

— Но... этот изверг... — Гита снова залилась слезами. — Вы представляете, что он с вами делает?

— Убить не посмеет, а все остальное не важно.

— Да как же... вы же не знаете... вы такая невинная... мой цветочек...

— Что-нибудь придумаю на месте.

— Ст-о-о-й! Стой! — со всех сторон понеслись крики и топот копыт.

— Разбойники? — округлила глаза Гита и закричала: — Грум, гони!

— Вперед! — завопил кучер и со свистом щелкнул кнутом.

Кони понеслись галопом. Карета закачалась, Ивон и Гита держались обеими руками за сиденье, но трясло так сильно, что они бились обо все поверхности.

Резкий свист и топот множества копыт раздались совсем рядом. Кони заржали, встали на дыбы, экипаж накренился, чуть не перевернулся. Пассажиры полетели на пол. И тут же послышались звуки сражения: свист стрел, лязганье мечей. Вот кто-то захрипел, что-то упало на землю. Ивон сходила с ума в замкнутом пространстве кареты, ничего не видя и не понимая, что происходит?

— Что? — не выдержала она неизвестности. — Грум, что там?

— Тихо, моя принцесса, тихо!

Няня закрыла воспитаннице рот. Но было уже поздно: дверка экипажа распахнулась и грубый, незнакомый голос поинтересовался:

— И куда мчится моя дань? Тоже сбежать решила?

Дверной проем экипажа закрыла большая тень. В руках у незнакомца был факел, за всполохами огня пряталось его лицо. Ивон невольно сжалась и подалась к стене. Нянюшка выхватила из ножен кинжал, закрыла ее собой.

— Кто вы? Убирайтесь! Именем короля...

— Ха-ха-ха, — смех раскатами прогремел над лесом. — Все слышали? Именем короля! А позвольте спросить, милая толстушка, о каком короле идет речь?

— Вы находитесь на землях Его Величества Ильмара Пятого, — гордо вскинула голову Гита.

— Н-е-е-т... — веселился незнакомец. — Ошибаешься, милая толстушка. Эти земли уже правителя Сатории, то есть мои. Король лично отдал их мне в качестве утешения за предательство его дочери.

— Г-генерал Арагон? — прошептала Гита и дернула Ивон за руку. — И все же, позвольте нам проехать. Иначе...

— И что ты сделаешь, тетка? — голос прозвучал внезапно грубо.

Ивон содрогнулась. Она не понимала, что творится с её телом. Страх впился в позвоночник ледяным осколком, намертво пригвоздив к сиденью. Она не могла даже мигнуть — веки застыли, как ставни в лютый мороз.

Карета качнулась, незнакомец взбирался по ступенькам. Но только его силуэт полностью показался в дверях, как Гита кинулась навстречу, размахивая кинжалом, и завопила:

— Не подход-и-и-и!

Генерал отшатнулся, но тут же сделал обманный выпад, и нож мгновенно оказался у него в руках. Лезвие сверкнуло в пламени факела и исчезло. Ивон как-то отстраненно услышала, как лязгнул металл, ударившись о камень.

— Ух, ты какая... горячая! — засмеялся враг и небрежно толкнул няню на сиденье. — В Игиари все толстухи такие? Снаружи тридцать сильных воинов, соскучившихся по женскому телу. Им страстная штучка придется по вкусу.

— Ах ты, мерзкий мальчишка! — захлебнулась словами Гита. — Только подойди! За мою госпожу я жизнь отдам!

— Вот и прекрасно. Отдавай! Выбросьте толстуху из кареты!

Приказ прозвучал как удар хлыста. Незнакомец пропал, но вместо него показались чужие руки, нянюшка взвизгнула и исчезла.

— Будьте прокляты, ироды! — завопила она уже снаружи. — Пусть на вас обрушатся небеса! Моя принцесса...

— Заткни ее, Коснер!

— Слушаюсь, генерал! — ответил звонкий и веселый голос. — Навсегда? Вопль Гиты захлебнулся.

— Не смейте трогать мою служанку! — наконец вырвалась из ступора Ивон. Она кинулась к двери, но сразу была отброшена на сиденье сильной рукой.

— И куда это мы собрались, принцесса? Теперь ты моя игрушка. Покажись!

Он дернул вуаль, закрывавшую лицо Ивон. Ужас пробежал по её коже тысячей лапок пауков. Она внезапно испугалась, но не за себя, а за батюшку, за няню, за кучера, который сейчас не издавал ни звука. Генерал Арагон, казалось, решил потешиться вволю. Ни отданные ему земли, ни она в качестве трофея не смягчат такого унижения, как сорванная свадьба.

— Нет! — взвизгнула она и вцепилась в тонкую ткань, не давая стащить ее с головы.

Но ненавистный враг не церемонился: одним движением сорвал вуаль. Кожу головы обожгло огнем, пряди волос, выдернутые из прически вместе с заколками, упали на лицо.

— Ну и уродина! — процедил сквозь зубы Арагон. — У Ильмара все дочери такие... белобрысые и тощие?

— Какая есть! А у вас в королевстве все такие... грубияны? Где ваше воспитание, генерал?

Ивон дерзко ответила в тон ему и гордо вскинула подбородок.

— Ух ты, о воспитании заговорила! — глаза генерала сузились и сверкнули нездоровым блеском. — Моё воспитание с десяти лет — это свист стрел и хруст костей под копытами. Так что благодари отца за то, каким я вырос.

— Значит, вы так и остались десятилетним мальчишкой, — холодно отрезала Ивон, глядя ему прямо в глаза. — Тот, кого воспитала война, никогда не сможет построить мир.

— Ого, как заговорила! А мне нравятся строптивые кобылки, — он взял Ивон пальцами за подбородок и притянул к себе. — Объезжать их — отдельное удовольствие. Ты словно создана для того, чтобы брыкаться... пока не поймёшь, кто здесь хозяин.

— Как жаль, — произнесла она с ледяной вежливостью. — Поля сражений, очевидно, не научили вас самому главному: настоящая победа — не в том, чтобы унижать в карете беззащитную женщину, а в том...

— Закрой свой ядовитый рот! — перебил ее Арагон, его пальцы, сжимавшие подбородок Ивон, едва заметно задрожали.

Они не отрываясь смотрели друг на друга. Взгляд генерала, холодный и изучающий, скользнул по её лицу, задержался на пухлых губах, но в нём не было ни доброты, ни нежности, только расчетливое, безразличное любопытство, словно он рассматривал новую, незнакомую штучковину, у которой еще предстоит найти слабое место.

«Не сдамся! Пусть хоть что делает, не сдамся!» — решила она, резко отдернула голову и посмотрела на врага с такой ненавистью, что в его глазах мелькнула на миг растерянность.

Но лишь на миг.

В следующую секунду он запрыгнул в экипаж, схватил Ивон, перевернул, поставил на колени. Одним движением задрал юбки. Она ушиблась лбом о доски пола, запах новой кожи ударил в нос. Прохладный ночной воздух пробежался по обнаженным бедрам, разгоняя по всему телу мурашки.

Паника ворвалась в голову не потоком, а сотнями иголок. Они вонзились в мозг, отключили сознание, оставив одну-единственную мысль: «Я сейчас умру!»

Она вцепилась в юбки, хотела опустить их, выпрямиться, но властная рука сжала ее шею сзади и еще ниже пригнула к полу кареты. Теперь Ивон не могла ни пошевелиться, ни нормально дышать.

— Нет! — закричала где-то вдалеке нянюшка. — Вы не смеее!

— Могу, — в голосе генерала послышалась усмешка. — И смею! Моя награда, что хочу, то с ней и делаю по праву победителя и хозяина.

— Ты еще заплатишься за это! — прошипела Ивон и стиснула выбивавшие чечетку зубы.

И тут же мир взорвался белой вспышкой в висках. Боль была такой чужой и всепоглощающей, что на секунду ей показалось, будто это кричит не она, Ивон, а лес, звери, птицы...

В глазах потемнело, и единственным якорем в реальности стал далекий, исступленный вой Гиты.

Ивон задергалась, пытаясь вырваться из хватки, но пальцы генерала лишь сильнее сжали ее шею, перекрыв воздух. Сколько времени длилось это мучение, Ивон не знала, но вдруг боль отступила. Принцесса снова почувствовала на своей коже прохладный воздух. Она вдохнула полной грудью, сознание медленно возвращалось к ней. Вот качнулась карета, генерал прыгнул на землю.

— Ты подлый ублюдок! — завывала Гита. — Будь проклят весь твой род до седьмого колена! Моя девочка... Пустите меня к ней!

— Коснер, я приказал тебе заткнуть эту... тетку!

— Но... мой генерал... воевать с незащищенной женщиной...

— Она не женщина, а враг! И... — тут он сделал паузу, показавшуюся Ивон зловещей, — твоя очередь.

— Очередь? Чего? — внезапно хрипло переспросил помощник Арагона.

— Как чего? Разве не хочешь оставить свой подарок королю Ильмару?

— П-подарок?

— Не тупи! А ты, Нестор, тоже откажешься?

— Генерал, это как-то не по-людски, — пробасил кто-то. — Все же принцесса, королевская кровь.

Ивон слушала мужские голоса, но пережитый ужас уже уступил место злости. Она села, взяла в обе руки по заколке и приготовилась сражаться. Если генерал застал ее врасплох, то его помощникам она точно не дастся. Первый, кто сунется в карету, получит удары в глаза.

— А по-людски устраивать ловушку моим людям? — рявкнул Арагон. — По-людски война, затеянная королем Ильмаром? По-людски наши разграбленные земли, убитые воины, уничтоженные семьи, угнанные в рабство крестьяне? А его последняя ловушка — верх подлости и свинства!

«Ловушка? — Ивон насторожилась. — О чем он говорит? Неужели моя ловушка сработала?»

Но додумать ей не удалось: от нового вопля генерала ее сердце ухнуло вниз и чуть не провалилось в пятки.

— Да этому мерзавцу вообще наплевать на людей! Он и дочь готов подставить, лишь бы добиться своей цели! Что ж, получил, что хотел.

Каждое ужасное слово огнем вспыхивало в голове Ивон, ярость разливалась в груди.

Да как он смеет! О батюшке... о настоящем защитнике своего народа... да как он...

Она уже хотела выплеснуть все, что накопилось в душе, в лицо генерала, но вздрогнула от голоса Коснера.

— Но, мой генерал, старейшины и ваша бабушка...

— Бабушка? — лязгнуло оружие, Ивон кинулась к окну и в свете факелов увидела, как генерал поднес меч к шее Коснера. — Не смей даже вспоминать эту святую женщину! И... не она, а я несу ответственность за свою страну!

— Мой генерал...

Воин отшатнулся, Арагон вырвал факел из руки Коснера и с силой ударил им о стенку кареты. Ивон плюхнулась на сиденье, прижав руки к груди, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Пламя факела погасло, на мгновение ослепив ее.

— Я! — что-то с грохотом упало на землю. Кони взвились на дыбы, карета накренилась. Ивон уперлась руками в стену, чтобы снова не свалиться на пол. — И я не хочу связывать себя узами брака с этой... Придет время, и я женюсь на достойной девушке. Никакая принцесса из подлого племени Соверенов не будет сидеть на троне рядом со мной! И... выкиньте эту... из кареты! Я наигрался.

Экипаж тут же качнулся, двое воинов взлетели по ступенькам. Ивон выбросила вперед руки, но промахнулась: заколка лишь оцарапала одному солдату щеку, а другой и вовсе успел перехватить руку принцессы. Они схватили Ивон, вытащили наружу и бросили на влажную землю. Она вдохнула острый запах травы и еще чего-пряного, и мозги внезапно очистились.

«Не плакать! Только не плакать! Ни за что не буду плакать при них!» — твердила про себя, плотно сжав губы. — Я отомщу! Всех уничтожу! Сожгу! Четвертую! Убью! Особенно род этого...»

Она сверлила взглядом генерала Арагона, которого наконец полностью разглядела, и его соратников. Они все показались ей настоящими великанами, высокими и мощными, полными ненависти и злобы. Похожая ярость переполняла теперь и её душу. Она рвалась наружу, но Ивон отчаянно удерживала её в груди.

«Я отомщу! — как мантру повторяла она. — Вот увидишь, как я отомщу! Ты будешь еще у меня в ногах валяться, умолять взглянуть на тебя хотя бы одним глазком! А я...»

Как она это сделает, хватит ли сил и решимости на месть, Ивон не представляла, но генерал что-то говорил о ловушке, значит она сработала.

— Вперед!

С этими словами Арагон вскочил на коня и прищпорил его. Вороной скакун поднялся на дыбы, всхрапнул и рванулся с места.

— Ваша Светлость, — крикнул ему вслед Коснер, (его Ивон узнала по голосу) — Что делать со свадебной каретой?

— Забери с собой! — донесся издалека голос генерала. — Приходится!

— Сволочь! Надо же какая мелочная сволочь! — всплеснула руками Гита.

Она как коршун налетела на Коснера, ударила его в грудь кулаками, забарабанила ими часто-часто. Воин перехватил ее запястья, встряхнул и рывкнул:

— Угомонись, женщина!

Он вскочил на козлы их экипажа, схватил поводья и стегнул коней. Миг — и женщины остались на темной дороге одни, лишь отдаленный топот копыт напоминал о том, что еще минуту назад здесь был целый отряд.

Лига* — мера длины, равная 2000 шагам (примерно 1 км. 400м.)

Глава 2. Арагон

Арагон гнал преданного Грома во весь опор. Ветер хлестал в лицо, выжимая слёзы из глаз. Генерал машинально уворачивался от веток, норовивших ударить его по щекам, словно насмехаясь над его отчаянием.

Гром, чувствуя тревогу хозяина, рвался вперед, его мощные ноги с силой отталкивались от влажной земли, оставляя за собой глубокие следы. Лес и мрачная скала, возвышавшаяся по левую руку, казались враждебными, каждая тень скрывала в себе опасность, хотя единственным врагом, от которого он бежал, было его собственное «я».

«Идиот. Безмозглый, взрывной идиот», — металась в разгоряченном мозгу отчаянная мысль.

Слова бились в такт копытам. Он сорвал зло на кукле, на заложнице, когда истинный враг — ее отец — сидел в свадебном шатре. Воспользоваться правом первой ночи в пыльной карете — это не месть, не стратегия. Это слабость, которую он показал ей, себе, своим солдатам. Он дал девчонке моральное превосходство, выставил себя безмозглым чудовищем в её глазах.

— Ты поступил как скот, Арагон, — бубнил он себе под нос. — Как разъярённый бык, а не как полководец.

Но девчонка реально взбесила. Ее высокомерный тон, огромные глаза, смотревшие с презрением из-под прядей волос, ее ядовитые слова, подобно змеиному яду капавшие с розового язычка.

Бешенство! Холодное бешенство затуманило на миг мозг Арагона. Еще ни один враг не вызывал столь сильную реакцию тела. Выросший на войне и воспитанный ею, генерал привык тщательно рассчитывать каждое свое действие, не поддаваться эмоциям.

Но не сегодня.

Сегодня он получил двойной удар от короля Ильмара и его дочерей. Сначала старшая не явилась в свадебный шатер, и он разорвал на глазах у короля брачное соглашение между семьями. А теперь еще и младшая продемонстрировала строптивый нрав, взбесив его до крайности.

Хотелось не просто взять эту белобрысую принцессу, а растерзать ее, сдавить тонкую шейку пальцами и выпустить из нее дух, как из цыпленка.

— Мой генерал, стойте! — донесся издали голос Коснера.

Арагон натянул поводья, встряхнулся, снимая напряжение с лицевых мышц. Гром остановился, всхрапывая и тяжело дыша.

— Прости, дружок! — Арагон легонько похлопал скакуна по шее. — Прости. Тебе сегодня тоже досталось.

Он посмотрел назад на свой быстро приближавшийся отряд. Впереди Коснер гнал свадебную карету, отнятую у принцессы. И опять чувство вины шевельнулось в груди. Эта капризная барышня наверняка тяжелее ложки в руках ничего не держала, а выбраться из ночного леса тем более не сможет.

А еще раздражало, что придется держать ответ перед бабушкой и королем Ильмаром, которые ждут принцессу. Правитель послал гонца за дочерью и, естественно, поинтересуется, почему ее не доставили в лагерь противника.

— Плевать!

Он вскинул голову и расправил плечи. Пусть некрасивая, но все же месть за убитого отца и старших братьев, за разоренные земли. Это сейчас король Ильмар умоляет о снисхождении, когда страна, истощенная войной, перестала поставлять солдат и вооружение. А еще пару лет назад он сам не знал жалости.

— Ну, ты и натворил дел! — воскликнул Коснер, который уже поравнялся с командиром. Он неодобрительно качал головой. — Что ты скажешь отцу принцессы? Он же спросит, почему карета без дочери.

— Ничего, — резко ответил Арагон. — Пусть скажет спасибо, что сам головы не лишился.

— А как же мир?

Генерал сжал рукоятку меча, едва сдерживаясь, чтобы не вытащить его снова.

— Лучше молчи!

— Понял, Ваша Светлость, — Коснер свистнул, хлестнул поводьями коней и ускакал вперед.

Арагон проводил глазами карету, пропустил отряд и оглянулся. Желание вернуться раздирало душу на части, лишь из-за глупого упрямства он пришпорил Грома и поскакал догонять своих. Предстоял серьезный разговор с бабушкой и королем.

Лагерь сиял огнями. Везде горели костры, вокруг которых сидели и лежали воины, утомленные долгим походом и досыта наевшиеся свадебной еды. Караульные неспешно обходили периметр, их длинные тени скользили по полотнам шатров.

Но праздничная атмосфера была приглушенной: не звучали песни, не раздавались шутки. Все воины знали, что невеста так и не прибыла, а генерал с рассветом уведет армию, оставив за спиной не прочный союз, а зыбкое, опасное перемирие.

В ярко освещенном свадебном шатре тоже царил тишина. Как только Арагон вошел, король Ильмар, дремавший в кресле, встрепенулся. Его взгляд метнулся за спину генералу и только потом остановился на его лице.

— А где... моя дочь? — тихо спросил он упавшим голосом, а в глазах мелькнула растерянность. — Неужели тоже сбежала?

Генерал вздрогнул, внутри все сжалось.

Вот он, ответ! Король сам предложил решение. Можно сказать, что младшая принцесса тоже сбежала, и делу конец. Простая военная хитрость, и с ее помощью победа в войне будет обеспечена.

Арагон огляделся, не обнаружил бабушку, и встревожился.

— Где королева-регент?

— Ее Величество вышла подышать свежим воздухом, — тут же отделилась от стены тень секретаря Вольтара, седобородого старика в черной мантии.

— Проявите воспитанность, генерал! — надменно вскинул голову король. — Вы не ответили на мой вопрос.

Арагон недовольно поморщился и сразу пошел в атаку.

— Подлость вашего рода не знает границ! — холодно процедил он сквозь зубы. — Мне не нужна жена из семейства Соверенов. А свое право первой ночи я уже получил.

Король вздрогнул. В тусклом свете шатра его лицо стало пепельно-серым, воздух с шипением вырвался из приоткрытых губ, но не сложился в крик — лишь в беззвучный, прерывистый стон:

— Что... ты... сказал?

— Я оценил ваш подарок по достоинству, — кривая улыбка тронула губы генерала. Он повернулся к входу, где за плотной тканью шатра стояли стражи, и крикнул: — Эй, кто там?

Полотна у входа мгновенно распахнулись. В шатер влетели воины и выстроились в ряд, вытянувшись по стойке «смирно».

— Слушаем и повинемся, генерал Арагон.

— Проводите Его Величество к экипажу, он отбывает во дворец.

— Погодите! — Ильмар поднял руку. — А как же наш договор?

— Какой договор? — Арагон сузил глаза. Он уже не мог дождаться, когда наконец останется один.

— Мирный договор! Да, мы не породнились семьями, но вы только что при свидетелях признали, что получили трофей и воспользовались им.

Арагон дернул углом рта. Он не понимал, куда ушла бабушка, сведущая в тонкостях придворной дипломатии, нуждался в ее совете, но в то же время боялся, что не выдержит осуждающего взгляда старой леди.

— Вольтар...

— Да, Ваша Светлость, — выскочил секретарь

— Документ готов?

— Сию минуту.

Он вынес бумагу, Арагон подписал ее, поставил печать и подвинул лист к королю Ильмару. Генерал видел, то тот едва держится на ногах, но жалость не трогала его сердце. Была бы его воля, он сию минуту бы приказал отрубить этому подлому старику голову и на знамени королевства Игиари отправить в Сиену. Но бабушка...

Генерал с трудом выдержал, пока будут соблюдены все формальности. Казалось бы, должен был радоваться победе в кровопролитной войне, унижению противника, но в груди у него зияла ледяная пустота.

Он не стал дожидаться, пока слуги подхватят шатающегося короля и посадят его в экипаж, первым вышел из шатра в промозглый ночной воздух. Можно было, конечно, добить армию Игиари и поставить другую точку в этой войне, но теплая долгая осень подходила к концу, уставшая в бесконечных боях армия мечтала вернуться домой. Скоро обозы не пробегутся сквозь непролазную грязь, а значит, у врага появится время и шанс, чтобы расквитаться.

Как ни хотел признавать Арагон, но мирная передышка нужна была и его государству.

— Где Ее Величество? — спросил он у стражей.

— Я провожу, — шагнул из тени в круг света Коснер.

Он направился напрямик к реке, к скалистому выступу. Леди Элеонора сидела на камне, окруженная охраной, и смотрела вдаль.

— Оставьте нас!

Арагон повернулся к Коснеру. Тот передал факел генералу, бесшумно отошел на несколько шагов и вместе с охраной растворился в густой темноте.

Генерал подошел к бабушке, обнял ее за плечи, прислонился щекой к ее седым волосам. От них пахло травами и еще чем-то сладким и пряным.

— Ты не замерзла? — спросил он.

Он снял плащ, накинул его на плечи старой леди. Он видел седой затылок, волосы, которые шевелил ветер, были заплетены в тугую косу. Бабушка взглянула на него и отвернулась. И это было хуже любого укора. Тягостная тишина заполнила душу Арагона тоской. Но вот сорвалась с ветки какая-то птица и с громким криком понеслась прочь. Королева Элеонора вздрогнула, подняла руку, показывая вдаль. Там, в долине светилась городская стена вражеского города, который теперь принадлежал Сатори.

— Эти земли теперь наши?

— Да.

— Хорошо. На рассвете направимся туда. Ты должен установить в городе свою власть.

— Слушаюсь.

— Обязательно назначь наместника из наших, хотя бы Коснера, и оставь здесь отряд для его охраны.

Арагон поморщился: ему не нравилось, когда бабушка вмешивалась в его дела.

— Коснер мне нужен самому. Да и губернатор из местного населения принесет больше пользы.

— Не боишься восстания? Все-таки столица Игиари в дне пути от этого городишки. Как там его?

— Кобурн.

— Да, Кобурн. А землю эту надо ценить. Я видела здесь большие поля, густые леса и полноводную реку, можно будет получить хороший урожай.

— Я подумаю над этим, — с досадой произнес Арагон.

— Ты подписал мирный договор с королем Ильмаром?

Вопрос ударил обухом по голове. Генерал напрягся и чертыхнулся про себя: слишком быстро королева сменила тему.

— Д-да... На десять лет.

— Плохо.

— Конечно, плохо. И тут виновата подлая дочь...

Леди Элеонора бросила на внука быстрый, пронизывающий взгляд, от которого мурашки побежали по спине.

— Но брачное соглашение разорвал ты. Не думала я, что мой единственный внук настолько слаб, что поддастся примитивным эмоциям. Зачем ты поступил так некрасиво с бедной девочкой?

«Вот сволочи, уже доложили!» — он дернул плечом, оглянулся, но свита потерялась в темноте, растворилась в вечернем тумане.

Наверняка рассказали во всех подробностях. У старой королевы везде были свои преданные люди, которые следили, подслушивали, подглядывали... Они докладывали ей обо всем, что делал внук.

Он сжал кулаки. Слова королевы резали глубже меча врага. Она не упрекала его в жестокости или безнравственности поступка. Она говорила о слабости Арагона, как полководца, о его стратегическом провале.

— Она не девочка, — хрипло проговорил он, подходя ближе. — Она — Ильмарова кровь. Я...

— Ты что? — леди Элеонора медленно повернулась к нему. Её глаза грозно блеснули в свете факела и заставили его замереть. — Ты удовлетворил свою жажду мести? Утолил её? Или разжег новое пламя, которое теперь сожжёт и тебя? Где она, Арагон?

Молчание повисло между ними, густое и тяжёлое.

— Оставил ее в лесу, — признался он наконец. — Я все равно ни за что не женюсь на принцессе из рода Соверенов.

Леди Элеонора закрыла глаза. На мгновение ее непроницаемое лицо исказила гримаса настоящей, живой боли.

— Так. Значит, ты не только надругался над дочерью короля, но и обрек ее на верную смерть. Отличный ход, внук! Достойный настоящего полководца! Теперь у Ильмара будет не просто повод, а священная обязанность отомстить тебе. Ты сделал из тонкой политической сделки личную войну на уничтожение. Войну, которую мы уже не сможем выиграть.

— Она выживет, — отрезал Арагон, но в его голосе прозвучала не уверенность, а скорее отчаянная надежда. Он сам не понимал, откуда она взялась. — И вернется домой.

— Если выживет, ее ненависть станет лучшим оружием против тебя. Если умрет... ее призрак будет править этим королевством вместо тебя, а ее отец...

— Он сам отдал дочь мне.

— Отдал. Но Ильмар далеко не дурак, он прекрасный стратег в отличие от тебя.

Слова королевы задели Арагона за живое.

— Да какой он стратег! Это я победил его армию, а не наоборот, — выпалил он по-мальчишески, чувствуя, что оправдывается, и оттого злясь на себя.

И тут же с досадой вспомнил ловушку, в которую угодило его войско. Эта ловушка позволила королю Ильмару получить преимущество в сражении, и именно она, а не боевые действия самого Арагона, дала толчок к мирным переговорам. А что сделает правитель Игиари, когда оправится от шока, получив передышку в виде перемирия?

— Ты о последствиях подумал?

— О каких? — во рту внезапно пересохло.

— А если принцесса понесет?

— Это не мое дело? — фыркнул он.

— Мелкий идиот! — королева огрела его по ноге тростью, Арагон подпрыгнул от неожиданности и покосился на охрану. Его, боевого генерала, лупят как нашкодившего пса. — Ребенок станет наследником сразу двух королевств. Ты еще незрелый мальчишка, Арагон. Рано тебе становиться королем!

Генерал содрогнулся: слова бабушки прозвучали приговором. Двоюродные дяди и их сыновья все время норовили отобрать у старой королевы трон. Одна надежда была на внука, но и он повел себя по-мальчишески.

Бабушка встала, выпрямила спину и, опираясь на трость, пошла вперед. Она не смотрела под ноги, словно была абсолютно уверена, что ни один камень не попадется на пути, ни одна ямка не станет препятствием. Старая, но гордая и не сломленная жизнью женщина.

Арагон смотрел на огни лагеря, на скалы, на темный лес, где оставил Ивон. И впервые за многие годы чувство, которое он испытывал, было сложнее ярости. Это было предчувствие. Предчувствие того, что эта «кукла», эта «белобрысая девчонка» стала самой роковой ошибкой в его жизни.

Он долго ворочался. Сон не приходил вовсе, за ночь вина и тревога в нем не угасли, а лишь стали острее. Нет, он по-прежнему не собирался брать в жены принцессу Ивон, но поддержать ее поблизости хотя бы месяц в качестве заложницы не помешало бы. За это время стало бы ясно, понесла девчонка или нет. В этом бабушка была права.

— Коня мне! — рывкнул он, как только небо окрасилось первыми лучами солнца.

И уже через миг скакал во весь опор в сторону леса.

Глава 3

Тетушка Гита шустрой ласточкой метнулась к воспитаннице, обняла ее крепко, прижала к пышной груди.

— Как ты, моя девочка? — запричитала она. — Слава небесам, они бросили нас! Теперь можно вернуться домой.

— Как? — Ивон села ровно, расправила юбки. — Пешком? Ночью? Подлец забрал наш экипаж. Мы во многих лигах пути от столицы.

— Ой!

Гита закрыла рот пухлой ладонью, слезы снова покатались по румяным щекам.

— А где Грум? — Ивон огляделась. — Враги схватили его?

— Да зачем им нужен кучер? — растерянno спросила Гита. — Неужели сбежал?

— Я не знаю.

Ивон встала, отряхнула светлую юбку, заляпанную грязью, поднесла пальцы к глазам и поразилась, насколько быстро пришла в себя. Она никогда в своей жизни не испытывала шока. Батюшка оберегал дочерей, растил их как драгоценные цветки в оранжерее. Ивон целыми днями пропадала в библиотеке и в кабинете отца, изучая карты, военные стратегии и тактики, слушая донесения гонцов и полководцев, но никогда лично не сталкивалась с трудностями.

Шелест юбок вывел ее из задумчивости. Это Гита вскочила, уперла руки в бока и завопила на весь лес:

— Вот сволота! Все мужики — козлы! Я потому и замуж не вышла, что нянчить очередного сморчка не захотела!

— Тихо ты!

Ивон дернула няню за подол, та не удержала равновесие и снова плюхнулась на землю, потянув на себя воспитанницу. Они посмотрели друг на друга и расхохотались. Смеялись отчаянно, пытаясь спрятать за этим безудержным хохотом слезы и растерянность.

— Ваше Высочество, вы такая... — утирала слезы няня.

— К-какая?

— Такая! Другая бы девушка на вашем месте руки на себя наложила, а вы смеетесь.

— Предлагаешь попробовать?

— Ой, что вы! — испугалась вдруг Гита.

— Тогда и говорить об этом не будем. Но выбираться из леса надо.

Тут ветки кустов на обочине зашевелились, и в воздухе раздался протяжный стон, полный боли:

— У-у-у...

— Что? Кто здесь? — Гита вскочила, перебежала на другую сторону дороги и вдруг вскрикнула: — Грум! Паразит! И как тебя угораздило!

Ивон тоже поднялась. Сердце молотом заколотилось в груди. Гита скрылась в кустах и тут же показалась, таща за подмышки кучера.

— Грум, что случилось? — бросилась на помощь Ивон.

Она заметила стрелу, торчавшую из груди слуги, осторожно распахнула рубашку, стараясь не касаться кожи. Металлический наконечник глубоко сидел в теле Грума.

— Враги... они выскочили со всех сторон. Лучники... я не смог уклониться, — тихо рассказывал кучер.

— Ой, что же теперь делать? — запричитала Гита. — У нас даже воды нет...

— Тихо! — оборвала ее причитания Ивон. — Дай мне подумать.

— Да о чем тут думать? Надо пробираться к столице.

— Как? Мы не сможем нести на себе Грума.

— Оставьте меня здесь, — простонал слуга.

— Еще чего! — махнула рукой Ивон. — Ночь, темень, холод, звери, разбойники, враги — выбирай, от какой напасти хочешь сгинуть?

— Но... моя принцесса...

— Погоди, — Ивон закрыла рот Гите. — Ты говорила, что рядом есть ущелье. Так?

— Да. Мы прямо на окраине Гремучей гряды.

— Там можно найти укрытие и воду. Нужно вытащить стрелу и обработать рану, пока в нее не попала грязь.

— А как же столица?

— Ваше Высочество, — голос Грума был едва слышен. — Мой заплечный мешок...

Женщины кинулись к раненому, повернули его набок: на его спине действительно висела дорожная котомка. Ивон сняла ее, высыпала содержимое на землю и радостно вскрикнула:

— Мы не пропадем!

В мешке она обнаружила набор для розжига, нож в чехле, иголку с прочной нитью, намотанной на ушко, толстую рукавицу, резко пахнущую конским потом, и еще пряжки, кольца, сыромятные ремни. Словом, все, что могло понадобиться кучеру в дороге.

В чистую тряпицу был завернут кусок сала и грубая лепешка, в наружном кармане Ивон нашла мешочек сушеных яблок. Но больше всего она обрадовалась тыквенной бутылочке, открыв пробку которой и принявхавшись, она уловила запах крепкого рома.

— М-м-м... — снова застонал кучер.

— Так, держись, рано тебе помирать, — проворчала Ивон и приказала няне: — Приподними его голову.

Принцесса влила в рот слуги немного рома, он сделал несколько глотков.

— С-спасибо, Ваше Высочество, — прошептал он.

Но Ивон уже снова вскочила и осмотрелась.

— Гита, генерал выбросил факел, найди его. Нам нужен огонь.

— Да, моя принцесса.

Пока няня искала факел, Ивон ножом кучера срезала ветки у придорожных кустов. Она складывала их рядом и плотно связывала ремнями и веревками.

— Нашла! — закричала Гита.

— Ты умеешь разжигать огонь?

— Конечно.

— Действуй. Нам надо убираться отсюда.

Ей показалось, что она слышит далекий вой волка, но она ничего не сказала няне, не желая еще больше пугать ее. В свете факела работа закипела быстрее, и вскоре прочная волокуша была готова.

— Откуда вы знаете, как орудовать ножом, моя принцесса? — поразились Гита.

— Не зря я изучала военные книги, — Ивон встала, дернула веревку, связанные ветки легко потянулись за ней. — Отлично! Грум, сможешь лечь?

— Попробую.

Вместе с Гитой они помогли кучеру лечь на ветки, взялись за веревку и потащили волокушу по дороге. Но торчащая из груди стрела цеплялась за кусты и высокую траву, причиняя Груму невыносимую боль.

— Так дело не пойдет, — покачала головой Ивон. — Придется ее сломать.

Ивон встала на колени перед тяжело дышавшим Грумом и пригляделась к стреле.

— Что вы хотите делать, моя принцесса? — озадачилась Гита.

— Грум, — Ивон тронула слугу за плечо. — Ты выдержишь?

— Делайте, что нужно, моя госпожа, — простонал тот.

— Гита, помоги, держи его крепко.

Няня прижала кучера к земле, Ивон взялась обеими руками за стрелу. Уверенности в том, что она сломает крепкий черенок, не было никакой, поэтому она сделала круговой надрез ножом по дереву. Грум вскрикивал каждый раз, когда лезвие задевало стрелу. Его лицо покрылось потом, он тяжело дышал.

Она встретила глазами с няней.

— Давай, — прошептала та, — раз, два, три...

Ивон резко нажала, обломок стрелы остался у нее в руках, отчаянный вопль пронесся над лесом, всколыхнул ночную тишину. С соседнего дерева сорвались птицы и с возмущенным клекотом пролетели над их головами. Протяжный вой волка, казалось, стал ближе.

Принцесса плеснула ромом на рану, приложила сверху лист подорожника, найденный на обочине, и забинтовала грудь кучера, потерявшего сознание.

— Все, уходим отсюда, — прошептала она. — Мы весь лес всполошили.

Сколько времени они шли по дороге, Ивон не представляла. Кучер перестал стонать, от тяжелого груза дрожали руки, пот застилал глаза. Принцесса брела, низко наклонившись, всцепившись в верёвки, и думала о том, какой страшной мезьей она накажет генерала Арагона.

— Стой, стой! — выкрикнула няня. — Надо свернуть!

— Что? Где мы?

Ивон застыла, выпрямилась. Факел освещал небольшое пятно земли впереди, всё остальное пространство тонуло во мраке.

— Поворот в ущелье. Нам сюда?

Тяжело дыша, Гита отбежала в сторону, и только тогда Ивон увидела узкий проход между скалами. Он был усеян камнями, протащить по которым волокушу не было возможности.

— Поднимай Грума, — приказала она няне.

Они обхватили с двух сторон раненого и повернули в проход. Грум был без сознания и лежал всей тяжестью на хрупких женских плечах, а его ноги загребали камни и тормозили движение. Но женщины упрямо шли вперёд. Миновав проход, они увидели узкую долину.

— Где-то здесь есть небольшая пещера, — прошептала запыхавшаяся Гита. — Вы же знаете, что я из Конрада. У батюшки был надел земли возле гор. Мы часто косили траву в этих местах. Детьми все пещеры поблизости облазили.

— Найди её.

Они опустили кучера на землю. Служанка убежала, прихватив с собой факел. Ивон села рядом с Грумом, прислонилась к скале и закрыла глаза. Она все еще не могла понять, как в один момент её жизнь перевернулась с ног на голову.

Ивон не заметила, как задремала, и вздрогнула, когда ее позвала няня.

— Я нашла пещеру, — зашептала она.

— Отлично! Надо осмотреться, — тут же вскочила принцесса. — Пойдем.

— А Грум?

— Мы сейчас вернемся.

Пещера оказалась недалеко. Ивон остановилась у входа, поросшего кустарником, и вгляделась в темноту. Внутри все сжалось от напряжения и усталости. Эмоции притупились. Она устала, влажное от пота тело дрожало от холода.

Принцесса вошла в пещеру. Пламя факела с хлопанием ворвалось в щель, отбросив на стены судорожные тени. Ивон замерла на пороге, втянув прохладный, пахнущий сыростью и глиной воздух. Узкий лаз, как черная пасть, уходил вглубь, а его свод, покрытый влажным, блестящим мхом, низко нависал над грудой обломков. Дальше, за поворотом, зияла непроглядная темень. Пугала и глухая, давящая тишина, которую нарушало лишь медленное, звенящее кап-кап падающей воды.

— Х-холодно, — застучала зубами Гита за ее спиной.

— Сможешь разжечь костер? И нам нужна вода. Слышишь?

Они несколько секунд прислушивались к капанью, пытаясь определить источник.

— Но сначала перетащим сюда Грума.

Они вернулись к кучеру, перенесли его к пещере. Гита метнулась обратно и притащила волокушу.

— Умница. Нельзя оставлять следов.

Вместе они набрали хвороста, и, пока няня разжигала костер в глубине пещеры, Ивон нашла воду. В дальнем углу бил небольшой ключ. Вода скапливалась в лунке и, на первый взгляд, казалась чистой. Наконец они устроились у костра. Гита нарезала сало, положила его на хлеб и протянула один кусок Ивон.

— О небеса! — вскрикнула шепотом принцесса, проглотив первый кусочек. — Ничего вкуснее я не ела.

— Хорошо бы воду вскипятить, — с сомнением сказала Гита. — Страшно ее так пить.

— Это да. Может, ром? — Ивон подняла бутылку.

— А как же Грум?

— А мы по глоточку.

Они выпили немного рома. Спиртное горячей волной пробежало по сосудам, зашумело в голове, согрело. Мир теперь казался не таким мрачным. Ивон посмотрела на слугу, который то ли спал, то ли был без сознания. Он хрипло дышал, иногда вздыхал, и стон срывался с губ. Рубашка в области раны пропиталась кровью.

— Надо остановить кровотечение. И... — Ивон задумчиво посмотрела на нож, поднесла его к огню.

— Ваше Высочество! — испуганно пискнула служанка. — Что вы собираетесь делать?

— Пока Грум в таком состоянии, хочу вытащить наконечник. А потом прижечь рану.

— Но... как?

— Я видела такое в книгах по медицине. Держи Грума за плечи, я попробую. Иначе он умрет. Неизвестно, когда еще мы попадем домой.

— А если он закричит и привлечет внимание врагов?

— Никого здесь нет, да и скалы заглушат и исказят звук.

Гита плотно прижала плечи Грума к земле, он даже не пошевелился. Ивон положила лезвие ножа на камень у огня, вылила ром в углубление другого камня и опустила туда иглу и нить.

— А это зачем?

Няня наблюдала за действиями воспитанницы с выпученными глазами.

— Не бойся, я не сошла с ума. Иглу и нить надо обеззаразить. Я читала, что большинство раненых умирали не от ранений, а от воспаления после них.

— А-а-а... какая вы умная, моя принцесса! А этот генерал Арагон — идиот, раз отказался от такой девушки, как вы.

— Ничего, мы еще посмотрим, кто от кого откажется, — бормотала Ивон, распахивая рубашку кучера.

Она наклонилась низко, рассматривая рану. Ее края покраснели, отеки и плотно охватили наконечник стрелы. Девушка обрадовалась, что он не всем треугольником вошел в тело, ухватила за торчащий черенок и резко дернула.

Тело Грума выгнулось дугой, он вскрикнул и обмяк.

— Умер? — испугалась Гита.

— Нет, болевой шок. Не останавливаемся.

Лезвием ножа она прижгла края раны, соединила их и быстро сшила.

— Нагребь мне на лист подорожника золы, — попросила она Гиту.

— Ага!

Пока служанка выполняла поручение, Ивон задрала юбки, оторвала край нижней, свернула ее в рулон. Потом присыпала рану золой, сверху положила листья подорожника, хорошо, что они росли прямо у пещеры, и плотно забинтовала грудь Грума.

Только покончив с этим делом поняла, что смертельно устала. Голова кружилась, в ушах шумело, перед глазами все плыло.

— Ваше Высочество, — словно из подземелья донесся голос Гиты. — Ложитесь здесь, я посторожу.

— Спасибо.

Ивон упала на землю возле костра, как подкошенная, Гита лишь успела подложить ей под голову охапку сухой травы. Тепло пламени обволакивало ее, смешиваясь с запахом дыма и земли. Сознание тонуло в глубокой, бездонной яме, где не было ни пещеры, ни Арагона, ни проклятой дороги. В этой пустоте вдруг возникли образы, яркие, живые, родные...

Она снова была дома.

Глава 4

Ивон вспомнила, как еще совсем недавно, переодевшись торговкой, вытягивала из жен чиновников деньги на нужды страны.

Пользуясь тем, что принцесс мало кто знал в лицо, Ивон часто тайком выбиралась из дворца. Невозможно узнать, чем живет страна, если все время сидеть в покоях, вышивать, писать картины и читать книги. А в городе она по-своему помогала батюшке: разведывала обстановку, слушала разговоры, наблюдала за жизнью народа и делала выводы, которые отличались от донесений гонцов и чиновников.

— Вот узнает Его Величество, что вы, моя принцесса, исчезаете из дворца, выпорот вас! — ворчала Гита.

Няня не отходила от воспитанницы ни на шаг, сопровождала ее во всех вылазках и прикрывала пышным телом от неприятностей.

— Не смей! Батюшка никогда меня не наказывал. Ты только служанке сестры не проговоришься.

Сестра не понимала страсть Ивон к приключениям, называла ее бродяжничеством.

— Тебя как дворовую псину тянет на улицу, — фыркала она, услышав однажды предложение Ивон прогуляться по ярмарке.

— Зато ты домашняя кошечка, — ответила Ивон. — Не знаешь жизни своего народа.

— А мне и не надо. Выйду замуж — уеду в другую страну. А будешь настаивать, все расскажу батюшке. Негоже принцессе по улицам среди нищобродов болтаться.

Вот с тех пор Ивон и держала в секрете свои вылазки.

Генерал Арагон наступал, войска Игиари проигрывали битву за битвой, королевская казна таяла, все труднее становилось содержать армию. Не все высшие чиновники поддерживали короля Ильмара, большинство дворян тряслись над своими богатствами, и тогда Ивон рискнула пойти на отчаянный шаг. Она переделалась дочерью купца и пригласила в гостевой дом жен высших чиновников.

Дамы, соблазненные заморскими драгоценностями, пришли, оглядываясь и перешептываясь. Принцесса смотрела на них, кружочком рассевшихся вокруг стола, и улыбалась уголками губ.

«Попались!» — ликовала она про себя, изо всех сил стараясь удержать невозмутимое выражение лица.

Жадные взгляды дворянок были устремлены на шкатулку, лежавшую в центре стола. В ней сияли и переливались в лучах светильников драгоценные камни.

— Это очень редкие украшения, — набивала цену Ивон. — Я не могу дать их вам в руки.

Она закрыла крышкой шкатулку и придвинула ее к себе. Дамы вздрогнули и отпрянули от стола.

— Я буду покупать кота в мешке, — заявила леди Сабина Брайзер и встала.

— Учитывая, что вы желаете получить за одну вещь десять монет, я хочу внимательно рассмотреть украшения, — поддержала ее леди Корделия Гриф. — Но, если нельзя...

Она тоже встала, расправила складки платья, повесила на изгиб локтя сумочку.

— Как вы знаете, в стране идет война, — тихо сказала Ивон. — Король велел все золотые запасы отдать правительству. Наше доблестное казначейство переливает золотые украшения в слитки, а воины покупают на них оружие. Скоро вообще не останется драгоценностей.

— Одиннадцать монет за вот это колечко с сапфиром, — вдруг выкрикнула леди Ясмина Рингер.

— А я возьму за двенадцать браслет!

— Дам пятнадцать за колье, и еще двадцать добавлю за этот гарнитур.

— Я первая его присмотрела.

— Нет, я!

Дамы с ненавистью уставились друг на друга. Их ноздри раздувались, из глаз сыпались искры.

«Вот жадные курицы, а ведь жены чиновников! — раздражение зашевелилось в груди у Ивон. — В стране война, голод и разруха, а они за побрякушки воют».

Ивон начала по одной вытаскивать драгоценности своей матери и показывать их дамам. Через несколько минут перед ней лежали мешочки, наполненные золотом.

— Достопочтимые леди, так и быть, я покажу вам еще одну вещь.

Жестом фокусника она вытащила из мешка алый зонтик, раскрыла его и покрутила в руках.

— Ах! — дружно выдохнули дамы. — Это же...

— Да-да, вы правильно угадали. Это зонты из известной мастерской Сатории. С большим трудом их удалось достать, война же...

Когда дамы разошлись, Ивон пересчитала деньги и выбежала во двор гостевого дома, где ее уже ждал экипаж. Гита, заметив воспитанницу, бросилась к ней.

— Ах, Ваше Высочество, — она покачала головой, — накличете вы беду на нашу голову. Скоро комендантский час.

— Не переживай, все успеем. Грум, вперед! — Ивон взлетела по ступенькам в экипаж, который тут же тронулся. — Гита, помоги мне.

Девушка повернулась спиной к служанке. Няня расстегнула ее корсет, отбросила в сторону, а на рубашку натянула лиф сиреневого платья. Следом пришла очередь юбок. Миг — и ничто в Ивон не напоминало торговку с рынка. В окно смотрела серьезная светловолосая девушка, и ее глаза были полны грусти.

Город тонул в густеющих сумерках. Улицы были пустынные и неестественно тихи.

— Комендантский час! — кричали изредка патрульные, разгоняя зазевавшихся прохожих.

Они трясли колокольчиками, и воздух звенел на разные голоса. В свете редких фонарей угадывались следы недавних боев: баррикады из развороченной брусчатки, обугленные стены домов с пустыми глазницами окон. Враги забрасывали улицы столицы котелками с горящим маслом, и не всегда сразу удавалось их заметить и погасить. Воздух, холодный и колкий, пах гарью и пылью.

— Неужели нам придется сдаться? — всхлипнула внезапно Гита. — Армия генерала Арагона намного сильнее нашей.

— Я раздобыла еще немного денег, — ответила ей Ивон. — Из этих гадин добровольную помощь не вытрясти. Хотя бы так пусть помогают.

— Его Величество будет сердиться. Вы же свое наследство разбазариваете.

— Не разбазариваю, а продаю, — засмеялась Ивон. — И продаю в три-четыре раза дороже его реальной стоимости.

— Стой! — раздался совсем рядом крик.

Кони, резко остановленные Грумом, захрапели, экипаж дернулся и замер.

— Пропустите повозку Ее Высочества! — рявкнул кучер.

— Пропуск!

Ивон высунула из окна руку и показала личную табличку, выполненную из серебра. Патрульные мгновенно согнулись в поклоне и пропустили экипаж. К воротам дворца принцесса подъезжала уже почти в полной темноте, горели только маленькие фонарики на оглоблях. Высокая каменная стена, обычно ярко освещенная фонарями и факелами, сейчас казалась

черной непроницаемой массой. Свет не зажигали из осторожности: вражеское войско армии генерала Арагона стояло слишком близко.

— Ваше высочество, — Ивон встретила у ворот старшая придворная дама. — Ваш батюшка ждет вас в кабинете.

— Что случилось?

— Ее Высочество Медея, заметила, что исчезли фамильные драгоценности, и устроила истерику.

— Вот же ж!

Ивон легко прыгнула на плиты дворцовой площади и побежала к длинной и высокой лестнице. Мгновенно миновала все пролеты, на ходу здороваясь с бюстами бывших королей — дедушек и дядей, и бросилась внутрь дворца.

— Как ты смеешь, девчонка?! — закричал Ильмар Пятый и швырнул на пол свиток с донесением. — Воровать у собственной семьи — это безобразие!

— Батюшка, не ругайся, — Ивон крепко обняла отца, вытащила из кармана мешочки с деньгами и кинула их на стол. — Смотри, сколько мне удалось выручить. Больше сотни монет.

— Сколько? — оторопел правитель и недоверчиво раскрыл один кошель.

— Я продавала драгоценности богатым дамам!

— А если они тебя узнают? — ахнул король.

— Даже если узнают, что с того? Кто посмеет что-нибудь сказать принцессе Игиари? Тем более, что ты сам выпустил закон, по которому все свободное золото и драгоценности знать должна отдать на нужды страны и армии. Оглянись, дворец просто тонет в нищете, а у тех леди закрома полны.

Действительно, кабинет представлял печальное зрелище. Экономии на всем: на угле, на свете, на еде. Страна, погруженная в многолетнюю и кровопролитную войну, терпела лишения.

— И все же, ты наследница трона.

— Батюшка, не ворчи! Наследница — Медея, не я. Я ее приданое и не трогала.

— И с чем ты замуж будешь выходить?

— Ой, я никуда не тороплюсь, — Ивон засмеялась, поймала пристальный взгляд Эйнаха, командира дворцовых гвардейцев, молча прислушавшегося к разговору, смутилась. — Я торговлей хочу заняться. Вот как кончится война...

Девушка мечтательно закатила глаза.

— Не бывать этому! — отец хлопнул ладонью по столу. — Не будет в моей семье принцессы-торговки!

Но Ивон нисколько не испугалась. Отец, несмотря на ворчливый характер, любил ее до самозабвения и прощал все выходки.

— Давай посчитаем, — принцесса высыпала все монеты и ловко начала их пересчитывать, записывая цифры на листке. — На эти деньги мы сможем оснастить небольшой отряд.

— Какой еще отряд?

— Батюшка, у меня есть идея. Смотри, — Ивон разложила на столе карту. — Ты напишешь послание генералу Арагону, попросишь у него перемирие на три дня.

— Так он и согласится! — с сомнением качнул головой король.

— Не попробуем — не узнаем. Так ведь, Эйнах? — Ивон взглянула на командира и жестом подозвала его к столу. — За это время мы подготовим мобильный конный отряд, выпустим его через северные ворота ночью и отправим в тыл врага.

— И что это даст? Генерал Арагон не дурак, он воюет с десяти лет, все хитрые приемы знает.

— Возле наших стен находится не сам генерал, а его помощник, полковник Коснер, — Ивон вздрогнула от тихого голоса Эйнаха и обернулась.

Командир уже стоял возле стола, внимательно разглядывая карту. Когда он подошел так близко, она даже не заметила. Высокий и сильный, облаченный в кожаные доспехи, он казался девушке воплощением уверенности и мужества.

Ивон смутилась, отвела взгляд. Близость Эйнаха будила в душе какое-то волнение. Тело мгновенно охватывал жар, а голос начинал дрожать. Она впиалась ногтями в ладони, пытаясь унять разбушевавшееся сердце, и весело воскликнула:

— Точно! Сегодня Арагон ускакал домой в столицу. Его бабушка, королева-регент, тяжело заболела. А Коснер не так закален в боях, у нас все может получиться.

— Откуда ты это знаешь, девчонка?

Король с такой любовью посмотрел на младшую дочь, что девушка залилась краской до корней волос. Она знала, что отец, хотя и имел двух прекрасных дочерей, всегда мечтал о сыне, и старалась во всем помогать ему. Вот и сейчас ситуация сложилась такая, что некому передать управление страной, если случится беда.

— Батюшка, у меня своя сеть шпионов, — уклончиво ответила она. — Ну, как тебе моя идея?

— Бесполезная. Только людей погубим. Да и времени мало.

— Нет, если все сделаем разумно. Как думаешь, Коснер сам примет решение о перемирии?

— Вряд ли. Он отправит гонца к генералу в центральную ставку.

— Вот видишь! — Ивон лукаво улыбнулась. — У нас будет больше времени. Пока лошадка цок-цок — туда, пока — обратно...

— Ох, ну и умница ты у меня, доченька!

В кабинете короля закипела ночная работа. Здесь собрались самые преданные люди, готовые сложить жизни во благо короны и родной Игиари. Ловким движением Ивон раскинула на столе карту.

— Времени у нас не просто мало, его нет, — ее голос приобрел несвойственную девушке стальную твердость. — Работаем по-военному. Эйнах, нам нужен отряд ваших самых надёжных, умных и молчаливых бойцов. Не силачей, а тех, кто умеет думать в седле и не боится ночных рейдов.

Командир гвардии кивнул:

— Они будут готовы через час, Ваше Высочество.

— Отлично. Батюшка, вы пишите письмо о том, что просите перемирия для сбора погибших.

— Погибших?

— Да, именно так. Согласись, вполне невинная и милосердная причина.

Король Ильмар, отбросив ворчливость, схватился за перо. В его глазах загорелся давно забытый огонь азарта. Ловушка, задуманная Ивон, была отличной. Если все получится, мобильный отряд Эйнаха, ворвавшийся внезапно в стан врага, сметет его с лица земли. Пока генерал получит известие, пока в спешке вернется с новыми войсками, армия Игиари, получившая передышку, погонит противника дальше от столицы.

Ивон обвела взглядом собравшихся, и ее глаза остановились на Эйнахе. Она пошевелила ладонью собранные сегодня монеты.

— Командир, отряду понадобится легкое вооружение. Купите на эти деньги луки и арбалеты, легкие кольчуги или стеганные джазеры. И... — она сделала паузу, — наша цель не только воины, но и обоз с провиантом. Без еды солдаты Коснера начнут роптать. А еще нужен проводник, человек, который сможет провести отряд тайной тропой, такой, что не нанесена на карты.

В кабинете на мгновение воцарилась тишина.

— Есть у меня такой проводник, — тихо сказал Эйнах.

Его взгляд встретился с взглядом Ивон, и в нем не было ни тени сомнения, только решимость. Сердце Ивон екнуло, на этот раз не от смущения, а от внезапного холодка страха за него. Но

она подавила это чувство.

В следующие несколько часов кабинет превратился в штаб. Перед самым рассветом, когда серое небо на востоке только начало светлеть, у северных ворот стояло два десятка всадников. Они были похожи на призраков в туманной дымке: без гербов, в потертых плащах, с лицами, скрытыми капюшонами.

Ивон подошла к Эйнаху, который уже был в седле.

— Возвращайтесь, — вырвалось у нее шепотом, вопреки всем правилам. — Возвращайтесь живыми. Игиари нужен каждый из вас.

Эйнах взглянул на нее, и в его обычно строгих глазах мелькнуло что-то теплое.

— Служу короне, Ваше Высочество! Ожидайте сигнала к полудню.

Он легонько коснулся ее протянутой руки — быстрый, почти незаметный жест, полный немого обещания, — развернул коня и скрылся в арке ворот. За ним бесшумно растворилась в темноте и вся небольшая темная колонна.

Глава 5

Но ждать пришлось долго. Время текло, как густой смоляной мед — томительно и тягуче. Каждый удар колокола на башне отзывался в висках Ивон гулкой, тревожной болью. Она грызла ногти, бесцельно переставляла фигурки на военной карте, не видя их, и при каждом шорохе за дверью вздрагивала, замирая в немом вопросе.

Застыл в ожидании и королевский дворец. Подданные, посвященные в операцию, тоже изводили себя. Ивон видела, как отец не находит себе места от волнения, как мечется его свита, и как побледневший командир стражи бесшумно отсчитывает шаги по длинному коридору, словно вымеривая расстояние до без вести пропавшего отряда. Даже воздух в старых стенах, казалось, застыл и не смел шелохнуться, боясь пропустить долгожданный звук рога или топот копыт у ворот.

Но были и те, кто остался недоволен. Чиновники, узнав о тайной вылазке, собирались в кучки, ворчали и бросали косые взгляды на короля и принцессу.

Полдень давно миновал, а в небе над вражеским лагерем так и не взвился условленный дым — ни чёрный, ни белый.

— Неужели провал? — задавалась вопросом принцесса.

А сердце трепетало от страха за командира Эйнаха и его отряд.

И вдруг будто ураган пронесся по дворцу. Захлопали двери, со всех сторон понеслись возбужденные крики. В ее покои ворвалась толстушка Гита. Она задыхалась от спешки, ее румяное лицо лоснилось от пота.

— Моя принцесса, прискакал гонец от командира! — закричала она.

Ивон выбежала из комнаты и кинулась в тронный зал. Сюда торопились чиновники и солдаты охраны, простые слуги и придворные дамы. Вся челядь собралась на площади в ожидании новостей.

В тронный зал Ивон не пустили, поэтому она тоже смешалась с толпой. Она стояла, стиснув в замок пальцы, и молилась богам:

«Милостивые боги, прошу вас, будьте хотя бы один раз на нашей стороне. Пусть все получится! Пусть получится!»

Массивные, обитые кованым железом, двери тронного зала распахнулись, показался королевский секретарь со свитком в руках. Он горделиво расправил на плечах плащ, развернул донесение, откашлялся.

— Давай уже говори, не томи! — не выдержал кто-то в толпе.

— Что за важные новости?

— Прискакал гонец с поля боя с донесением, — секретарь сделал глубокую паузу, толпа недовольно зашумела. — Враг повержен. Наши доблестные войска гонят его к границе.

Ивон подхватила юбки и буквально взлетела на широкое крыльцо. На этот раз ее никто не остановил. Скупые слова секретаря ее не устраивали: душа пылала, мозг кипел, так ей хотелось узнать подробности сражения.

— Батюшка! — крикнула она, увидела чиновников, смутилась и обратилась уже официально: — Ваше Величество, я могу войти?

— Иди сюда, — махнул рукой отец.

По его довольному лицу Ивон догадалась: все получилось. Один вопрос лишь тревожил её: как могла кучка солдат повернуть вспять целую армию противника?

— Батюшка, — она нашла глазами донесение, исписанное мелким почерком командира Эйнаха. — Можно?

Не дожидаясь разрешения, она схватила пергамент и впиалась в кривые строчки жадным взглядом.

Эйнах писал:

«Неожиданную атаку нашего отряда с тыла противник воспринял как начало генерального наступления основных сил Игиари. В стане полковника Коснера возникло замешательство, быстро переросшее в панику. Войска побежали, бросив часть вооружения и снаряжения.

Воспользовавшись растерянностью в рядах врага и нарушенной линией обороны, я отправил гонца в расположение наших основных сил с сигналом к немедленной атаке с фронта. Совместными действиями — ударом с тыла и решительным наступлением с фронта — мы обратили противника в бегство и отбросили его к границе.

Таким образом, диверсионная операция, предложенная Её Высочеством, достигла стратегической цели: нанесён значительный тактический урон, деморализован командный состав противника и созданы условия для успешной контратаки основных войск. Операция завершена успешно».

— Ур-а-а-а! — закричала Ивон и подбросила пергамент. — О боги, спасибо вам, спасибо! Мы победили!

Она окинула торжествующим взглядом чиновников и замерла: подданные стояли, понунав головы. На их лицах был написан испуг.

— Нет, дочка, до победы еще далеко, — тихо сказал король. — Не сегодня-завтра вернется генерал Арагон, а он не знает пощады.

— И что? Пусть возвращается! Мы встретим его во всеоружии!

Ивон потрясла худенькими кулачками.

— Э-э-э, Ваше Высочество, — вышел вперед первый советник короля. — А чем вы хотите воевать? Наша казна пуста, кузнецы не успевают отливать оружие. Да и запасы бронзы и железа закончились.

— Если ваши жены отдадут свои драгоценности короне, мы сможем купить металл, — запальчиво выкрикнула Ивон.

Чиновники зароптали, раздались возмущенные выкрики.

— Ваше Величество, ради чего мы воюем? — спросил военный министр.

— Ради улучшения благосостояния народа и увеличения наших территорий, — ответил король.

— Но о каком благосостоянии может идти речь, если вы будете разорять своих же подданных?

Ивон закричала зубами от ярости. Эти старики...

— Да и время сейчас не то, — продолжил министр. — Осень. Скоро наступят холода. Армия раздета и разута. Нужна передышка.

— Но и армии Сатории тоже нужна передышка, — горячо возразила принцесса.

— Ваше Величество, — к первому советнику присоединился второй, — негоже юной особе, пусть и королевской крови, решать судьбу государства.

Король посмотрел на дочь. В его глазах светилась смертельная усталость. Исчез азартный огонь, потускнел взгляд. Только сейчас принцесса увидела, как сдал ее любимый батюшка. Он сидел на троне, согнувшись, его пальцы с силой сжимали подлокотники кресла, одно колено дрожало, каблук выстукивал нервную дробь о каменные плиты пола.

— Ивон, покинь, пожалуйста, военный совет, — попросил он. — Твоя тактика сработала, теперь нам нужно определить стратегию дальнейшей жизни.

Все всколыхнулось в душе Ивон. Она хотела высказать этим старикам, все, что скопилось на сердце, но молча проглотила обиду и поплелась к выходу из зала.

А через месяц пришла новая беда...

Военные действия прекратились, оба государства зализывали раны, никто не торопился первым объявлять о продолжении сражений. Появилась надежда на мирный договор. Войска Сатории окружили приграничный город Кобурн, отрезав его от остального королевства. Все будто застыли в ожидании.

В последние дни осени начались затяжные дожди. Вода лилась с неба, не переставая, заливая дороги, улицы, поля и дома. Казалось, будто небеса гневались на нерадивых людишек, охваченных злобой и жаждой наживы.

Ивон сходила с ума от неизвестности. Эйнах так и не вернулся с поля боя, остался в военном лагере. Зачем там понадобился командир королевской гвардии, Ивон было неизвестно, оставалось только радоваться, что он жив и здоров.

Отец избегал встреч с дочерьми, каждый раз ссылаясь на занятость. Он практически жил в тронном зале, проводя бесконечные совещания с министрами и чиновниками.

Что-то назревало, но что?

Сегодня вечером Медея ворвалась в покои сестры как вихрь.

— Ивон, Ивон! — выкрикнула она, и, захлебнувшись воздухом, закашлялась.

Ивон взглянула на сестру в отражение зеркала, перед которым сидела, расчесывая свои светлые, пушистые волосы. Глаза Медеи лихорадочно блестели, рот кривился, а лицо, перекошенное ужасом, кричало о настоящей панике.

Ивон вздохнула, положила костяной гребень и повернулась к ней.

— Сядь, успокойся, — она похлопала ладошкой по пуфику, стоявшему у зеркала. — Что опять случилось?

— Ивон, батюшка...

Медея с размаху упала на пуфик и разразилась бурными слезами. Они текли по щекам, хлюпали в носу, капали с подбородка.

Ивон вздохнула и встала. Она взяла салфетку, протянула сестре, но та ее даже не заметила. Тогда Ивон налила стакан воды и поднесла его к ее губам.

— Выпей.

Она уже привыкла к подобным истерикам сестры. Нежная и ранимая, как экзотический цветок, Медея вечно драматизировала и даже небольшое происшествие превращала в трагедию.

Сестра шумно сделала несколько глотков, пролила воду на белоснежное платье, и ее истерика сменила направление.

— О небеса! Что я наделала! Кайманский шелк...

— Ничего твоему шелку от пары капель воды не сделается, — проворчала Ивон и добавила: — Ну, рассказывай, что еще придумал батюшка? Я занята.

Она кивнула в сторону стола, заваленного донесениями военных. Медея взглянула туда, скривилась, но Ивон видела, что сестра уже пришла в себя.

— Он хочет выдать меня замуж.

— Замуж?

Ивон медленно втянула ноздрями воздух и на миг прикрыла глаза. Вот они! Те слова, которые со страхом ждала каждая девушка королевства.

Но особенно их боялись принцессы: исторически сложилось так, что у них не было выбора собственной судьбы. За них все решали родители — царственные особы. Медея и Ивон росли и воспитывались с мыслью, что когда-то их выдадут замуж ради укрепления силы и мощи государства.

Неужели этот день наступил?

— Да, замуж, — снова заплакала сестра. — Но ты же знаешь, я не могу! Тем более за него.

Ивон сжала в кулаки подол платья, переживая новый приступ громкого плача. За кого отец хочет выдать замуж Медею? Любой выбор короля не радует, но все же...

Она перебирала в уме свободных принцев соседних государств. Кубер Сивийский и Ираз Голиафский уже помолвлены, Малькольм Бердянский слишком мал, брака с ним не получится, Гарольд Горянский — инвалид, у него не будет потомства.

Кто же еще?

У короля Синегерии вообще нет сыновей.

— И кто твой суженый? — не выдержала Ивон, дождавшись паузы в рыданиях.

— Г-генерал Арагон, — выпалила сестра, всхлипывая.

— О небеса! Батюшка, как ты мог! — закричала Ивон и вскочила. — Неужели больше нет выхода?

Получается, отец решил прибегнуть к крайним мерам?

Она бросилась к рабочему столу. Армия генерала Арагона все еще представляла угрозу. Она стояла у города Кобурна, но не нападала, видимо, рассчитывая взять крепость измором. В городе заканчивался провиант, отсюда с почтовыми голубями поступали тревожные вести.

— Уже прибыли сваты из С-сатории и сама королева-регент, возле Кобурна построили свадебный шатер, — всхлипывала Медея. — Бабушка генерала и наш отец д-договорились о перемирии и династическом браке.

Новость была ужасной.

— А что даст брак нашему королевству? — наконец спросила Ивон и взглянула на сестру.

Медея судорожно вздохнула.

— Перемирие.

— Надежное ли?

— Н-не знаю!

Медея разразилась новой порцией рыданий. В комнату вбежала встревоженная Гита, за ее спиной маячила фигурка Омелии, служанки сестры.

— Ваше Высочество, — запричитали обе.

— Тихо! — подняла руку Ивон. И старшая принцесса, и служанки мгновенно замолчали. — Хорошо, старейшины договорились, но сам генерал Арагон ставит какие-то условия помимо женитьбы?

— Он требует в качестве возмещения за потери Кобурн.

— Невесту и полкоролевства в придачу, — пробормотала Ивон.

— Нет, только один город.

— Не просто город, а хорошо оснащенную приграничную крепость, откуда можно спокойно совершать набеги на наши земли. Да и места там богатые, урожаи высокие, — она в ярости толкнула стопку книг. — Хитер генерал! Хитер!

Старинные манускрипты с грохотом упали на пол.

— Тебе жалко какой-то город, а меня не жалко? — завывала Медея. — Я же буду зал-о-о-о-жницей.

— Прекрати реветь! — прикрикнула на сестру Ивон. — Никто тебя не обидит. Даже заложницей ты будешь жить как королева. Генерал не посмеет ничего сделать своей жене.

— Мне придется делить с этим уродом пост-е-е-ель...

— А он урод? — озадачилась Ивон. — Ты его уже видела?

— Н-нет, но он лично убил столько наших солдат, что не сосчит-а-а-а-ть...

— Ну, справедливости ради, наши воины тоже убивали противника. Это война.

— У тебя каменное сердце! — Медея швырнула в сестру платочек. — Ты даже фамильные драгоценности продала. У меня теперь нет прид-а-а-а-ного...

— О небеса! Дайте мне терпения! — взмолилась Ивон. — Когда свадьба?

— Я должна на рассвете отбыть со свадебным кортежем.

— Вместе с Его Величеством?

— Н-нет. Батюшка уже уехал.

Плач взлетел к потолку, в голосе Медеи появились визгливые нотки.

— Моя принцесса, — бросилась к ней Омелия. — Ваша головка будет болеть, а глазки станут красными. Не надо так сильно плакать.

— Ах, Омелия! — Медея картинно прижала ладонь ко лбу. — Меня никто в этом доме не любит, не ценит! Мне плохо...

Сестра начала оседать на пол и упала бы, если бы Омелия не подхватила ее за талию. Так причитая и уговаривая, она повела госпожу вон из покоев Ивон.

Но Медея не явилась в свадебный шатер, и король послал за младшей дочерью...

Глава 6. Король Ильмар

Король Ильмар, шатаясь, вышел из свадебного шатра. Медея сбежала, генерал бросил Ивон в ночном лесу, полном опасностей, все тщательно продуманные планы разрушились. Впереди неизвестность и полная безысходность. Он поднял голову, окинул свиту усталым взглядом, сделал шаг и пошатнулся. Суровый Эйнах бросился к нему на помощь.

— Что случилось, Ваше Величество? — тихо спросил он.

— Ивон...

— Что с принцессой? Где она?

Эйнах огляделся, заметил свадебную карету, кинулся к ней, но дорогу ему перекрыла целая шеренга саторианских воинов. Светловолосый юноша выскочил перед строем и выставил перед собой меч.

— Это собственность генерала Арагона.

— Уйди с дороги, Коснер!

— А если не уйду, нападешь? — презрительно скривил губы полковник.

— Легко! Я тебя, мелкий щенок, в порошок сотру!

Эйнах тоже выдернул из ножен меч.

— За щенка ответишь!

Два сильных бойца стояли друг против друга, разделенные не только клинками, но и пропастью между их мирами. Один — подручный генерала, смертельно обиженный на Эйнаха, который с горсткой солдат обратил целое войско в бегство. А другой — отчаявшийся человек, в глазах которого горел яростный огонь потери. Достаточно было крохотной искорки, чтобы снова вспыхнуло пламя войны.

И король закричал:

— Нет, Эйнах, нельзя! Я подписал договор о перемирии.

Ильмар стоял, тяжело опираясь на плечо вражеского секретаря Вольтера — единственного человека, вышедшего его проводить. Король видел, как вздымается грудь Эйнаха, как побелели пальцы, сжимавшие рукоятку меча, но понимал: если командир сорвется, о мире придется забыть.

Но Эйнах справился с эмоциями.

— А где хозяйка кареты? — сквозь зубы спросил он.

— Арагон оставил Ивон где-то в лесу. Нужно ее найти, — тут он выдохнул, будто захлебнулся словами, и выдавил из себя: — Я ничего не знаю о своей девочке.

— По к-о-о-о-ням, — тут же разнесся в ночной тишине приказ командира.

Свита короля и гвардейцы зашевелились, но Ильмар поднял руку, призывая к вниманию. Король не мог уехать, бросив намеченные цели. Документ о перемирии, который он подписал, каленым железом жег ладонь.

— Я хочу попрощаться с королевой Элеонорой, — сказал он и посмотрел на светловолосого юношу. — Коснер, проводи меня к Ее Величеству?

— Не велено.

Юноша шагнул вперед, а вместе с ним дернулась и шеренга бойцов. Гвардейцы мгновенно окружили короля, заслонив обзор.

— Мы не все вопросы еще обсудили.

— Генерал приказал проводить вас к повозкам.

— Как ты смеешь, юнец, так разговаривать с королем Игиари? — набросился на Коснера Эйнах.

Сейчас его лицо пылало гневом в пламени факелов. Но и Коснер ему не уступал. На челюстях играли желваки, ямочка на подбородке превратилась в провал, губы так плотно сомкну-

лись, что почти вовсе исчезли. Но страшнее всего был взгляд стальных глаз, полный ненависти к врагу.

Еще бы!

Король прекрасно понимал, что не мог мальчишка Коснер пылать любовью к противнику, который поймал еще неумелого полководца в ловушку. Оставалось надеяться, что разум возобладает над чувствами.

Он окинул взглядом стоянку саторианцев. Везде шатры, палатки, костры и... солдаты. Они о чем-то говорят, смеются, радуются наверняка, что возвращаются домой с победой. Именно с победой! Если бы не идиотский поступок строптивой Медеи, сейчас веселились бы обе армии.

Горькая желчь подступила к горлу Ильмара.

Победа...

Какое это теперь пустое, бессмысленное слово. Они выстояли в битве, сохранили честь, добились уважения врага — и всё это в один миг обратилось в пыль из-за принцессы, слишком гордой (или трусливой), чтобы стать разменной монетой в политической игре стариков.

Его и королевы Элеоноры игре.

Они строили этот брак как прочный мост между королевствами, а дочь увидела в нем лишь тюремную решетку. И сбежала. Превратила триумф в фарс, а его, правителя Игиари, — в посмешище, которое сейчас, наверное, обсуждают за каждым из этих веселых костров.

— Хватит, Эйнах, — король схватил командира за рукав, и вдруг острая боль прошила тело. — Ох! — вскрикнул он, согнулся пополам и начал оседать на землю.

— Ваше Величество!

Эйнах подхватил старика на руки и побежал к экипажу. Он уложил его на подушки, позвал лекаря, приказал своим гвардейцам окружить карету, чтобы спасти правителя от внезапного нападения.

Король был ему благодарен, но не мог говорить. Он чувствовал, будто деревянный кол воткнули ему в грудь и медленно поворачивали. И каждый поворот вызывал такую боль, что разум покрывался туманом. Задыхаясь, он судорожно вцепился пальцами в рукав Эйнаха, пытаясь передать приказ без слов. В глазах, помутневших от боли, читалась не просьба о помощи для себя, а яростный, неоспоримый приказ: «Найди Ивон!»

Эйнах кивнул, коротко и резко, словно отдавая честь.

— Коня мне! — рявкнул он через плечо, метнув последний взгляд на Коснера, прежде чем захлопнуть дверцу кареты.

Король откинулся на подушки и закрыл глаза. Голова закружилась, звуки пропали, тело стало вялым и ватым.

Правитель Игиари провалился во тьму...

Глава 7. Эйнах

Пока лекарь склонялся над королем, Эйнах уже вскакивал в седло. Боль в груди правителя стала его собственной болью, ярость — его личной яростью. Планы, осторожность, переговоры — все это сгорело в том одном взгляде. Теперь был только приказ, данный без слов: найти принцессу, пока не стало слишком поздно. И никто — ни шеренги саторианцев, ни сам генерал Арагон — не встанет у него на пути.

Эйнах дернул поводья и пустил верного скакуна с места в галоп. Его сердце переполняла тоска по любимой Ивон. Он уже десять лет служил при дворе, наблюдал, как она росла, развивалась, хорошела. Из прелестной малышки получилась не менее прелестная барышня. Светлые локоны вдоль румяных щек, блестящие зеленые глаза, опущенные черными и загнутыми ресницами, пухлые губы.

Эйнах даже не заметил, как влюбился без памяти. Он хранил эту любовь в самой глубине души, как драгоценную и запретную реликвию, зная, что простому воину не подобает и мечтать о королевской дочери. Каждая её улыбка, случайно брошенная в его сторону, становилась для него личным праздником, а ее смех — самой сладкой и самой горькой из всех услышанных им мелодий.

Да и сам не раз ловил на себе мимолетный, но многообещающий взгляд младшей принцессы. Только происхождение не позволяло ему надеяться на взаимность. Но отдать её в лапы врагу он не мог. Весть о решении короля выдать Ивон за генерала Арагона, обрушилась на него, словно громовой удар.

Сердце горело, отравленное одной лишь мыслью, что руки проклятого Арагона, обгаренные кровью игиар, коснутся нежной кожи принцессы. Он не знал, воспользовался ли тот правом первой ночи, король хранил молчание, но эта картина сжигала изнутри, заставляя скрежетать зубами и беспощадно стегать коня.

Он летел вперед, словно стрела, выпущенная из туго натянутого лука, оставив далеко позади унылый королевский кортеж. Глаза, закаленные в сотнях битв, жадно всматривались в лунный свет, выискивая малейший след: сломанную ветку, вывернутый камень.

Принцесса не могла покинуть дворец без свиты, но в стане врагов Эйнах не увидел ни няни, ни других слуг. Возможно, они где-то рядом. Это обстоятельство давало слабую надежду.

Иногда он останавливал коня и кричал, надрывая голос:

– Ваше Высочество, отзовитесь!

А потом напряженно вслушивался в зловещую тишину, жадно ловя каждый шорох. Но лишь карканье потревоженных ворон, сорвавшихся с ближайших веток, отвечало ему.

Вскоре его усилия были вознаграждены: на поляне, зажатой между двух мрачных скал, земля была истерзана копытами коней.

Сердце екнуло, а потом застучало яростно по ребрам. Он спешил, привязал коня и, пригнувшись к земле, двинулся дальше пешком.

Вот колеи от колес кареты, здесь на камне чернеют запекшиеся капли крови. Волна ужаса обожгла горло, Эйнах судорожно вдохнул: неужели Ивон ранена?

Он опустился на колени и, поднося факел к каждому камню, к каждому бугорку, нашел обломок стрелы. А рядом валялись обрывки ткани. Шелковой ткани. Той, что украшает наряды богатых дам. А принцессу наверняка везли в свадебном наряде.

Эйнах поднял обрывки, принялся и уловил запах рома. Кто-то делал перевязку, значит, раненый жив.

Он обошел все место стоянки и обнаружил поодаль траву, чуть примятую широкой полосой — по ней явно что-то волокли, что-то тяжёлое и безвольное. Эйнах обрадовался и уже

быстрее пошел по следу, ведя под уздцы коня. Примятая полоса вывела его к узкому, темному ущелью. Скалы стояли с двух сторон так близко, что, раскинув руки, их можно было коснуться пальцами. Ни одна повозка здесь не проедет, а вот конник и пеший пройдет запросто. Однако повозки у принцессы не было: ее карету командир видел в лагере врага.

Он шел, тщательно осматриваясь. Но среди камней потерял след. Разочарование обрушилось всей своей тяжестью, заставив на мгновение утратить надежду.

Эйнах не сдался. Он обшарил каждый выступ, проверил каждую расселину. И нашел. За грудой валунов, искусно сдвинутых, зиял низкий вход в пещеру. Согнувшись, он вошел внутрь, обнажив меч.

В спертom воздухе витал запах дыма и людского пота. В центре небольшого грота догорали угли костра, брошенные в спешке. На земле валялись оборванные веревки и пустая фляга. Пещера была пуста. Те, кто здесь был, ушли – недавно и торопливо, оставив после себя лишь остывший пепел и тишину, которая звенела в ушах громче любого боя.

Принцессы здесь не было.

Командир поднял флягу, принюхался: запах рома. Того самого, что исходил от ключев ткани. Ивон точно была здесь! Но куда она исчезла?

Он пригляделся и увидел, что вся земля истоптана каблуками сапог. Причем в отпечатках он увидел знакомый знак: кружок, перечеркнутый двумя стрелами. Именно такое клеймо ставил на обувь сапожник армии Игиари.

— Свои! — выдохнул, обрадовавшись, Эйнах.

Он выпрямился, расправил плечи. Теперь он знал, что близок. Очень близок. И он знал, что они не убили принцессу — иначе бы не уносили с собой.

Он выбежал из пещеры, одним прыжком взлетел в седло и погнал коня к узкому выходу из ущелья. И вдруг ему показалось, что он слышит сдавленный стон. Эйнах мгновенно насторожился. Факел вырвал из темноты клочок реальности – в сплетении кустов виднелись грубые, стоптанные ботинки.

Сердце оборвалось. Не медля ни секунды, командир спрыгнул на землю, раздвинул колючие ветви. На сырой земле, с закрытыми глазами, лежал Грум, преданный кучер принцессы. Его грудь стягивала окровавленная повязка, сшитая из той самой ткани, обрывки которой Эйнах обнаружил на проклятой поляне. Командир спрыгнул с коня, раздвинул ветки: на земле, закрыв глаза, лежал Грум, верный кучер принцессы. Его грудь была перевязана той же тканью, обрывки которой он нашел на поляне.

Эйнах спрыгнул с коня, наклонился к Груму, похлопал его по щеке.

— Очнись, где твоя госпожа?

Кучер с трудом разомкнул веки, и слабый стон вместе с булькающим хрипом вырвался из его груди:

— Ее... ее увезли... Как мешок, перекинули через седло и увезли...

— Кто? Сколько их было?

Белки глаз кучера закатились, и тело обмякло.

— Не смей умирать! — в отчаянии взревел Эйнах. — Говори!

Но Грум молчал, уходя в беспамятство.

«Увезли? Куда? — закружились в голове вопросы. — Если обратно, тогда в стан врага. Но Арагон сам бросил Ивон в лесу. Зачем ему забирать ее снова? Тогда увезли в Сиену?»

Но без ответов бесполезно искать дальше. Сначала надо привести в чувство Грума, а уж потом...

Командир, собрав последние силы, взвалил бесчувственное тело кучера на коня. Сам вскочил в седло и, бережно придерживая раненого, понесся во весь опор в сторону столицы.

Глава 8

Ивон очнулась внезапно. Отчего-то бешено колотилось сердце, волнение сдавливало грудь. Девушка с трудом открыла глаза, но ничего не разглядела. Пространство перед ней было пронизано такой темнотой, что ей вдруг показалось, будто она находится в преисподней. Костер погас, ни один луч света не пробивался извне.

Ивон резко села, выставив перед собой руки. Она мучительно пыталась понять, что ее разбудило.

— Гита, ты спишь? — окликнула она няню.

Тишина в ответ насторожила, заставила заволноваться. Ивон села, нащупала ветку хвороста и бросила на тлеющие угли. Огонь занялся крохотными всполохами, осветил землю возле костра.

Какой-то хруст раздался у входа. Ивон перевела взгляд на звук и вздрогнула:

она смотрела на огромные мужские сапоги, заляпанные грязью. Из темноты вынырнули еще одни ноги. Тоже мужские.

Ивон вскрикнула, вскочила, но кто-то из мужчин грубо толкнул ее в грудь, и она упала на спину.

— А вот и красотка проснулась, — захохотал басом неизвестный.

Ивон едва успела вдохнуть, как ее придавило такой тяжестью, что весь воздух мигом вылетел из груди.

— Кто вы? Что вам нужно?

Глаза немного привыкли к темноте. Теперь принцесса понимала, что находится все еще в пещере, но ни Гита, ни Грум не подавали ни звука.

— Поиграем?

На Ивон пахнуло смрадом гнилого рта. Она даже дыхание на миг задержала, но тут же встрепенулась.

— Кто вы? Пустите! — прошипела она и закричала: — Гита, Грум, на помощь!

— Заткнись, тварь!

Удар по лицу был сильный. Ивон откинула голову, зацепилась затылком за камень и завывала от боли. И тут же страх и растерянность сменились тихой злостью. Принцесса нащупала край ветки, которую только что бросила в костер, и ударила ею нападавшего.

Сноп искр на миг выхватил из тьмы грубое бородастое лицо, потянуло запахом паленой шерсти.

Мужчина не ожидал нападения, вскрикнул, вскочил, закрутился на месте, растирая лицо.

— Ведьма! Держите ее!

Но Ивон уже успела подняться. Она бросилась к стене, выдернула из волос последнюю заколку и выставила ее перед собой. Размышлять, куда пропали няня и кучер, было некогда.

И тут же маленькая пещера заполнилась людьми. Они закрыли телами проход, окончательно погрузив пространство во тьму.

— Где она? — завопил кто-то. — Куда пропала?

— Факел зажги, идиот!

Огонь вспыхнул сразу в нескольких местах. Теперь Ивон увидела, что нападавших было четверо. Все грязные, лохматые, одетые в разносортную рванину.

— А добыча ничего! — цвыркнул зубом коренастый мужик.

— Ага, ладненькая.

— Сама залезла в нашу пещеру.

— Только подойдите! — прошептала Ивон, в душе все похолодело от ужаса: в какую новую ловушку она попала?

— Еще и боевая!

— Смотри, платье из шелка. Богатенькая куколка.

— Да ладно тебе! Что богачка забыла в горах?

С каждой фразой они делали шаг вперед. Ивон вжалась в стену, острые осколки камней уперлись в лопатки.

— Где мои слуги? — спросила она. — Отпустите меня. Батюшка даст большой выкуп.

— О! У нас еще и батюшка есть. Слышь, Ярень? А кто у нас батюшка? — хохотнул здоровенный детина, ударивший ее.

— Его Величество Ильмар Пятый! — гордо вскинула подбородок принцесса.

— Кто? — хлопнул в ладоши коротышка. — Слышь, Ярень, что болтает.

— Т-ю-ю-ю, совсем у девки от страха крыша поехала! — присвистнул коренастый Ярень.

— Но награду получить за нее можно, — встрял в разговор молчавший до сих пор худощавый рыжеволосый мужчина.

Он стоял у входа и пристально рассматривал ее. Ивон чувствовала на себе его колючий взгляд и опасность, исходящую от него.

— Предлагаешь продать саторианам?

— А что? Если ее умыть и причесать, может, какой-никакой богач и купит. Этим морским гадам нравятся игиарские белобрысые красотки.

— Тогда надо везти ее на невольничий рынок в Бальварон. Там быстро ее оценят.

«Бальварон? — ужаснулась Ивон. — Только не туда!»

Над этим местом витала дурная слава. Порт Бальварон вырос в плоской, илистой дельте, где Игиарка, главная река королевства, лениво катила свои воды в сторону моря. Это было не место для жизни, а язва на теле земли, возникшая и разросшаяся исключительно из-за нужд армии и алчности маркитантов.

Со всех сторон в королевский двор летели жалобы и донесения. Ведомство дознавателей устраивало облавы, стирало временное поселение с лица земли, но оно появлялось снова, торговцы живым товаром выползали из всех щелей и устраивали аукционы и торги.

Ивон мысленно видела эти гнилые причалы, с которых людей, как тюки, грузили на утлые суда, чтобы увезти в небытие. Слышала грубый смех и лязг монет. Это был конец света в миниатюре, ад, выросший на человеческом страдании.

И самое страшное было не в физической угрозе. Самое страшное — исчезновение. В Бальвароне люди превращались в тела, за которые были назначены цены. Их разглядывали со всех сторон, щупали мышцы на руках, проверяли силу и ловкость, осматривали зубы, как у скота, и оценивали взгляд в глазах — слишком живой и гордый мог стоять дешевле, ибо сулил проблемы, а пустой и покорный — дороже, как гарантия смирения.

И она, Ивон, дочь короля Ильмара, должна была превратиться в номер в чьем-то реестре, в тень, в призрачный силуэт.

— Ни за что! — выкрикнула Ивон. — Только через мой труп!

— Труп? Ха-ха-ха...

Разбойники развлекались, наблюдая за ее беспомощностью, а ей хотелось выть и кричать. А еще больше хотелось вонзить шпильку в горло предательнице-сестре и генералу, который обрек ее на эти страдания.

— Где мои слуги? — повторила вопрос Ивон.

Она сходила с ума от жизненной пропасти, в которую медленно погружалась, от неизвестности, переживала за няню и раненого кучера. Шпилька в ее руке дрожала. Да она и не уверена была, что сможет причинить четверым здоровым мужчинам какой-то вред.

— Забудь о них!

— Принцесс-а-а-а... — вдруг услышала она протяжный зов.

Он словно стал сигналом. Не раздумывая, Ивон сорвалась с места и бросилась на врагов. Они не ожидали атаки, поэтому ей удалось проскочить мимо двух громил, но третий, молчаливый и суровый, ловко выдернул заколку из ослабевших пальцев, отбросил ее в сторону и скрутил руки так сильно, что Ивон показалось, будто затрещали суставы.

— А-а-а! — закричала она от боли.

— Не дергайся, — рывкнул разбойник. — Хуже будет. Ярень, сеть где?

Ивон тяжело задышала, но с вывернутыми руками она могла только стонать и скрипеть зубами от ярости. Она стояла, низко наклонившись, и хорошо видела ноги бандитов, обутые в армейские сапоги.

«Это же игиаре, — прострелила голову неожиданная мысль. — Наши люди. За что они со мной так?»

Но спросить не успела: тяжелая сеть упала на плечи и еще больше пригнула к земле. Зато рукам стало легче: рыжий наконец-то отпустил ее.

— Господа, давайте договоримся, — попыталась еще раз убедить разбойников Ивон. — Король даст за меня выкуп намного больше, чем какой-то неизвестный богач.

Наступила тишина. Ивон не видела, что делают мужчины, но слышала, как они перешептываются.

— Может, она говорит правду? — сказал один.

— Чушь все это, — оборвал его грубый голос рыжего. — Наш король нищ, как последний побирушка.

— А ты откуда знаешь?

— Слышал, что он продал генералу Арагону младшую дочь.

— Козел! — смачно плюнул на землю Ярень. — Родную дочь мерзавцу, растоптавшему нашу страну! Твою ж мать!

Ивон уже всех различала по голосам.

— Нет, неправда! Он не продал меня, а хотел заключить договорной брак ради мира между нашими государствами.

— Ха! У старика мозги заржавели. Не женится Арагон на нищей принцессе! Сейчас у него и так отбоя не будет от невест.

— Точно, в лучшем случае ее своей наложницей сделает.

— Ага! Или банщицей, чтобы стручок обмывала.

Разбойники дружно загоготали

— Хватит! — прервал их смех главарь. — Бери ее, уходим.

— А с толстухой что делать будем?

«Жива! Гита жива!» — чуть не заплакала от счастья Ивон.

— Тоже замотай ее в сеть и брось на коня. Продадим. Крепкие рабыни всем нужны.

— Ну и сволочи вы! — не выдержала Ивон. — Своих же людей воруете и продаете.

— Ярень, заткни ей рот!

Кто-то зажал Ивон голову, просунул сквозь ячейки сетки вонючую тряпку и втолкнул ее в рот принцессе. Она задохнулась от омерзения, тошнота подкатила к горлу. Громила подхватил Ивон, бросил себе на плечо и вынес из пещеры.

Свежий утренний ветер ударил в лицо, забрался под разорванное платье, покрыл тело мурашками. Принцесса задрожала от холода. Она и опомниться не успела, как ее перекинули через седло коня. Громила вскочил на него позади Ивон, ударил каблуками в бока, и скакун сорвался с места.

Ивон висела вниз головой. Она хорошо видела каменистую тропинку, ноги коней, но все, что выше, было недоступно ее взору. Вдруг в кустах она заметила знакомые ботинки Грума, дернулась, застонала, но громила шлепнул ее по попе и рывкнул:

— Не вертись, свалишься под копыта, повредишь милое личико. А уродину продать можно только циркачам, они таких на ярмарках показывают.

Сколько длилась дорога, Ивон не имела представления. От тряски и неудобного положения разболелось все тело. Когда разбойники выехали из ущелья, они переложили добычу на телегу. Теперь Ивон лежала, зажата между каких-то тюков, не в состоянии даже пошевелиться.

Наступил рассвет, который быстро перешел в солнечный день, а дорога все не кончалась. «Святые небеса! — молилась принцесса. — Накажите моих врагов и дайте мне легкую смерть. Ни за что не стану рабыней! Не дождуся!»

Телега подпрыгнула на очередном камне, верхний тюк сорвался и полетел прямо на Ивон. Она успела выставить перед собой руки, чтобы смягчить удар, но он все равно был оглушительным. Дырявая мешковина поддалась, разошлась по швам, и из неё, сдавленно крикнув, вывалилась связанная по рукам и ногам Гита.

— Няня! — вскрикнула принцесса.

Гита, бледная как полотно, судорожно всхлипнула, и ее слезы закапали на лицо Ивон. Принцесса замотала головой, чувствуя, что задыхается, попыталась сдвинуть тяжелое тело служанки. Телега остановилась.

— Что тут у вас? — спросил грубый голос и вдруг вскрикнул: — Ярень, помоги! Толстуха сейчас задушит красотку.

Разбойники мгновенно раскидали тюки и вытащили женщин из телеги. Слабая, полузадушенная тяжестью, Ивон едва могла дышать. Кто-то плеснул ей в лицо водой, вытащил кляп, насильно разжал рот и влил несколько капель крепкого рома.

Ивон закашлялась, захлебнувшись, слезы брызнули из глаз. Но рядом также кашляла Гита, и то, что принцесса не одна, наполняло ее душу радостью.

Уже через несколько мгновений она осматривала пытливым взглядом местность, где оказалась.

Разбойники остановились на берегу реки. Впереди катила свои широкие воды Игиарка. У причала стояло несколько утлых суденышек, а по деревянной пристани тянулись цепочки носильщиков и грузчиков, которых торговцы погоняли криками и кнутами.

Ивон с ужасом поняла: они прибыли в порт Бальварон.

Глава 9. Арагон

Арагон скакал во весь опор. Теперь он уже жалел, что решил дожидаться рассвета. Называется, выдержал характер, не бросился сразу на поиски принцессы, а теперь вынужден делать умное лицо при плохой игре.

Его не волновала строптивая девчонка, но не хотелось ловить презрительные взгляды родственников, уверенных, так же, как и бабушка, что ему еще рано становиться королём.

— Давай, Гром, давай! — прищипоривал он коня. — Неженка, небось, сидит под кустиком у дороги и рыдает в три ручья о своей бедной и несчастной жизни.

Хотя...

Генерал сомневался, что найдет Ивон: ночью этим же путем проехал король Ильмар, и наверняка он подобрал дочь.

До места, где он вчера оставил принцессу, Арагон добрался быстро. Солнце уже встало, его лучи ярко осветили землю. Проведя столько лет в сражениях, живя полевой жизнью, генерал легко считывал следы, оставленные каретами и лошадьми. Он спрыгнул с Грома, огляделся, заметил капли крови на траве, след от волокуши и сразу пошел по нему.

След привел его к маленькой пещере, где, по всей видимости, побывал не один человек. Он тронул ладонью еще теплое кострище, обошел пещеру по периметру, вглядываясь в землю и стены, напился у родника. Когда возвращался к выходу, увидел, как под камнем что-то блестит. Бросился к находке. Это была та самая заколка в виде тонкой и длинной иглы с украшением на одном конце, которой ему угрожала Ивон.

— Надо же, — усмехнулся он, разглядывая шпильку и удивленно трогая ее острый кончик. — А девчонка полна сюрпризов. Но безрукая неумеха. Даже имея в руках оружие, защититься не может.

Он вышел из пещеры, вскочил на коня, но опять спрыгнул. Ему показалось, что трава недалеко от пещеры примята, словно там лежал какой-то большой предмет или тело.

И точно!

Он нашел на листьях капли крови и даже небольшую лужицу, которая натекла в ямку между камнями.

— Неужели эта неумеха кого-то ранила? — хмыкнул Арагон. — Видимо, лишь задела, раз жертва ушла своими ногами.

Закончив с осмотром, он направился к выезду из ущелья. Карету у Ивон он забрал. Сюда она вполне могла добраться сама, тогда откуда здесь так много следов от копыт?

Этот факт его смущал. Он прищипорил Грома, вернулся на место стоянки, покружился там и поскакал в сторону столицы Игиари. На развилке у подножия горы остановился. Одна дорога вела к стихийному порту на разливе реки Игиарки, а другая — к столице Сиене.

Оба пути грозили опасностью и сулили лишь новые беды чужаку, незнакомому с обычаями страны. Арагон спешился, выудил из объемистой седельной сумки дорожный плащ, грубой тканью скрывший строгие линии военной формы, и направил коня в сторону постоянного двора, примостившегося на перекрестке дорог.

Широкие ворота были распахнуты настежь, приглашая и пугая одновременно. Во дворе — ни души. Лишь ветер, запутавшись в ветвях старой яблони, ронял на землю последние листья. В воздухе висело густое, липкое напряжение, та самая зловещая тишина, которую Арагон, обладая обостренным чутьем опытного воина, безошибочно узнавал за лиру. Предчувствие беды сдавливало грудь подобно стальному обручу.

Генерал привязал коня к покосившемуся столбу у крыльца и, стараясь не скрипеть половицами, вошел в полумрак таверны. Хозяйка, сгорбившись, стояла у пылающего очага и о чем-

то тихо шепталась с угрюмым работником. Их голоса заглушало потрескивание поленьев в очаге и вода, бурлившая в котле.

За грубо сколоченным столом, в самом темном углу, сидели трое мужчин, отталкивающих своим неопрятным видом. Их лица, скрытые в тени, казались зловещими масками.

— Хозяйка! — Арагон поднял руку. — Это так у тебя принято встречать гостей?

Женщина встрепенулась, вскинула голову и кинулась к нему, подобострастно кланяясь.

— Простите, мой господин, — она смахнула полотенцем крошки с табурета и показала на него. — Садитесь здесь. Чего изволите отведать?

— Неси все, что есть. Я голоден как волк.

Женщина мгновенно исчезла в глубине дома. Ее помощник подлетел к другим посетителям.

— Слушай, Брун, правду ли народ на рынке в Бальвароне болтает, что наш правитель помер?

Арагон насторожился. О чем идет речь? Он отправил короля Ильмара во дворец живым и здоровым.

— Да брешут люди, — отмахнулся Брун, а генерал выдохнул: новые неприятности ему не нужны. — Мелют чушь, а вы слушаете.

— Кузнец, что утром проезжал здесь, сам слышал десять ударов гонга у городских ворот. А травник Гомет видел на рассвете, как голуби полетели во все стороны.

— Какие голуби?

— Почтовые.

— Чудеса да и только! Летают птицы и летают. Вон их сколько!

Брун покосился на Арагона и пнул говорливого крестьянина носком ботинка. Но тот словно ничего не замечал. Он повернулся к соседу и выдал:

— Это наша принцесса Ивон придумала голубей для почты использовать. Я слышал, что во дворце есть даже специально обученные птичники.

— Вот бы таким стать, — мечтательно выдохнул молчавший до сих пор третий гость.

— Не станешь. Наша принцесса пропала.

— Как пропала?

— Ну вот...

— Ваша еда, господин, — раздалось над головой генерала.

Он вздрогнул, посмотрел на хозяйку, кинул на стол монету и бросился к выходу. трактирщица что-то закричала ему вслед, но он уже гнал Грома галопом.

Дорога, широкая и укатанная тысячами колес, грязно-серой лентой петляла меж пожухлых полей. Тяжелогруженные возы с сеном и бочками вина скрипели, оставляя глубокие колеи; пёстрые торговые фургоны с навесами из выгоревшего полотна обгоняли неторопливых волов; путники в потертых плащах брели по обочинам, увязая в осенней грязи.

Воздух гудел от скрипа осей, окриков погонщиков, блеяния овец и запахов. Пахло конским потом, дымом из труб домов и сладковатым ароматом спелых яблок из опрокинувшейся на ухабе корзины.

Генерал сам не понимал, почему торопился и нервничал. Ну, пропала девчонка, что с того? Еще недавно шла война. Мародерами, ворами, разбойниками заполнены обе разоренные страны. Не показала бы строптивый характер, ехала бы сейчас в королевском экипаже домой.

Но сердце билось с перебоями, Арагон хмурился, раздраженно стискивал поводья, взглядом выискивая того, кто мог бы поделиться достоверными вестями.

Но встречные крестьяне не вызывали доверия. Они, как и посетители таверны, жили сплетнями да слухами.

— Расступ-и-и-и-сь! — раздался протяжный крик.

Вдали показался конный патруль в синих с серебром плащах — цвета столичной стражи Игиари, — и вся пестрая река людей на миг затихла, сместилась к обочине.

Генерал набросил на голову капюшон плаща и спрыгнул на землю. Сейчас он находился среди врагов, и ему совершенно не хотелось, чтобы его узнали. Держа Грома под уздцы, он попытался затеряться среди людей.

Патруль проскакал мимо, не обратив на него внимания. Лишь комки грязи, поднятые копытами, заляпали полы его плаща.

— Хорош коняшка, — вдруг кто-то сзади дернул его за рукав. — Сколь за него хошь?

Арагон стремительно обернулся: на него смотрел насмешливым взглядом худощавый старик в выцветшем камзоле. В его глазах, однако, светилась какая-то хитрая, изучающая насмешка. — Хватит глазеть, дед, — отрезал Арагон, отводя взгляд.

— Што ж, што ж, глазеть не глазю, — цыкнул старик и погладил жилистую шею Грома так, словно знал его с жеребьячьего возраста. — Прицениваюсь. Думал, на рынок ведешь. А вот ребята из стражи — те любопытны. Особенно к скакунам армейской выучки.

Старик кивнул вслед уже скрывшемуся за поворотом патрулю. Его слова повисли в воздухе неслучайным предупреждением.

— Рынок в Бальвароне?

— Ага, он самый. Так, сколь хошь?

— Не продается.

Одним прыжком Арагон вскочил на коня. Пола плаща распахнулась, открыв рукоять меча. Генерал поймал любопытный взгляд старика.

«Опасность! — мелькнула мысль. — Сдаст ведь патрульным».

Он наклонился, вытащил из кармана мешочек с монетами, встряхнул его и сказал:

— Будет твоим, если ответишь на пару вопросов.

— Ну, смотря что пытаться будешь.

— Король Ильмар умер?

— Эх! — крикнул старик. — Есть такой слушок. Но... подле его ложа не стоял, свечку не держал, не знаю.

Генерал скрипнул зубами, но продолжил:

— Говорят, принцесса Ивон пропала.

— Може так, а може и не так, — Арагон убрал кошель в карман, глаза старика алчно сверкнули, и он выпалил: — Все дороги ведут в Бальварон. Ежели принцесса пропала, ищи ее на невольничьем рынке.

— Принцессу — и на рынок? В своей стране?

— Так, разве ее кто видел во дворце? А на улице — девка как девка. Ежели была без охраны и свиты, могли бандиты сцапать. А тем звон монет в кармане дороже чьей-то крови.

— Бальварон — это туда? — Арагон махнул рукой в сторону боковой дороги.

— Ага.

Генерал кинул мешочек деревенскому болтуну, пришпорил Грома и помчался вперед. В поселение ворвался на полном ходу, пришпоривая Грома каблуками.

Порт был воплощением беспорядка и разложения. По сравнению с ним походный лагерь армии Арагона казался образцом порядка и стройности.

Шаткие и уродливые бараки из грязных досок и промасленного брезента кренились друг к другу, словно пьяные. Дома на сваях, подмытые течением, угрожающе скрипели при каждом порыве ветра с моря. Мостки, заменявшие улицы, прогибались под ногами прохожих, а между их щелей виднелась чёрная, маслянистая вода, в которой плавали отбросы. Никаких площадей, садов или храмов — только грязь и вонь разлагающихся отходов.

Генерал презрительно скривился:

— Какова королевская семья, такова и страна.

Копыта Грома проваливались в грязь, он вытаскивал ноги, брезгливо их отряхивал и всхрапывал. Арагон спрыгнул на землю и повел коня под уздцы. Запах прелой воды вывел его к рынку, расположившемуся полукругом на широком берегу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.